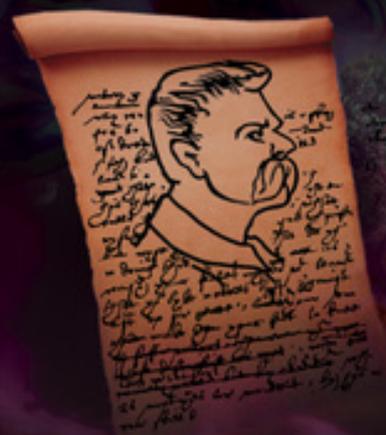

ЕКАТЕРИНА
БАРСОВА

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛЮБОВЬ
• МАКСИМА ГОРЬКОГО •

Великие тайны прошлого

Екатерина Барсова

**Итальянская любовь
Максима Горького**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Барсова Е.

Итальянская любовь Максима Горького / Е. Барсова — «Эксмо»,
2017 — (Великие тайны прошлого)

ISBN 978-5-04-089972-2

Вера Шевардина считала, что жизнь не удалась. Мать, непризнанная актриса, ее третирует, муж бросил с ребенком на руках, с работой не везет. И только попытка Веры разобраться в собственной родословной дарит надежду, что все изменится – на генеалогическом древе обнаруживается ветвь знаменитой итальянской фамилии Орбини. Вера узнает, что ее прабабушка была знакома с Максимом Горьким, а семейная тайна связана с итальянским периодом жизни писателя. И Вера решает поехать в Италию, чтобы познакомиться с предполагаемыми родственниками, не подозревая, что итальянской жизнью знаменитого пролетарского писателя интересуется слишком много людей, и некоторым из них Вера Шевардина очень мешает...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089972-2

© Барсова Е., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Екатерина Барсова
Итальянская любовь Максима Горького

© Барсова Е., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Шкатулка с семейными секретами

Пока мы откладываем жизнь на завтра, она проходит. Ничто не принадлежит нам в такой степени, как время; оно только – наше.
Андре Моруа, французский писатель

Москва. Наши дни

– Мама!

Ветер прошелестел по комнатам и вернулся тяжелой волной пряных духов.

О приближении матери обычно возвещали раскатистые рулады оперных арий, аромат духов, забивающий все другие запахи, и шаги. Чеканные, строгие, как у пушкинского командора. Мать и была таким командором: безжалостным и беспощадным.

Вера вдохнула и спрятала руки за спину.

– Ну что такое? – Мать выросла на пороге комнаты, окидывая ее критическим взглядом. Халат с павлинами резал глаза яркой расцветкой, но по-другому мать одеваться не умела и не хотела. Она и сама была яркой, бравурной, шумной. Как брызги шампанского. Как ее любимейшее танго под таким же названием. Эта мелодия была связана с одним давним любовным приключением, случившимся бог знает сколько лет назад.

Он был молодой подающий надежды режиссер, правда, имени его мать не называла. Это было уже после того, как их бросил отец. И этот режиссер, конечно же, был в нее без памяти, до умопомрачения влюблен. И все было замечательно: Черное море, волны, закатные вечера, темные ночи, ласки под шорох волн, поцелуи и любовные клятвы. И то самое танго: «Брызги шампанского».

А потом... Мать в этом месте театрально прикладывала руку к сердцу и издавала протяжный вздох. Взял и женился.

Режиссер уехал за границу и не вернулся. Поехал в составе советской делегации в Венгрию, там познакомился с венгеркой и остался. Поскольку он не был звездой первой величины, то скандал раздуть не стали, а просто вычеркнули его имя из святцев советского кино. Словно и не было такого человека. Был, а теперь нет.

– И остался он только в моем сердце, – вздыхала мать.

– Да-да, – поддакивала Вера, ощущая уже знакомое жжение в висках и посасывание под ложечкой. – Да-да, мама, все это очень печально.

Мать обожала вот такие душещипательные истории, где Вере отводилась роль благодарной слушательницы, безмолвного фона для разворачивания театральных мизансцен.

– Печально! – фыркала мать. – Что ты в этом понимаешь!

Здесь Вера чувствовала, как ее бьют по больному месту. Конечно, в любви она мало что понимает. Чем она может похвастаться в жизни или, как выражается ее подруга Света Закоманская, – «что предъявить миру»?

Света была отдушиной в жизни Веры. Во-первых, у них со Светой совершенно разные характеры, и этот факт отраден. Во-вторых, Света подобно солнечному лучу – в прямом и переносном смысле. Света всегда чем-то увлекалась. Последнее ее увлечение было связано с буддизмом, учением Ошо, Ананды Рай, Кришнамурти и прочих светочей нирваны. И в соответствии с буддистскими доктринами она одевалась во все яркое, кричащее, режущее глаз.

– Будем подобно солнцу, – говорила она.

– Это не оригинально, – парировала Вера, – знаменитый поэт Серебряного века Бальмонт говорил то же самое: «Будем как солнце!».

Основным доминирующим цветом в одежде подруги был ярко-желтый. И поэтому еще издавек Вера видела желтый факел, стремительно придвигающийся к ней.

Света утешала Веру и говорила, что все мужики, естественно, козлы, если только они не практикуют... йогу... А поскольку таких немного, то ничем выдающимся мужской пол похвастаться не может по определению. И с этим придется смириться. Вера молчала, собственно говоря, возразить ей было нечего...

Вера сразу вспоминала свой скоропалительный брак, быстрое охлаждение со стороны мужа, и такое же быстрое его увлечение аспиранткой Мариной, и последующий развод... На все про все ушло полтора года. Вера осталась с вечно болеющим Пашкой на руках и разбитым сердцем, как уверяла ее мать, которая считала, что после развода сердце должно быть непременно разбито. В ответ на это Вера молчала, она не чувствовала себя несчастной или разбитой. Было отупение и усталость. Но и это вскоре прошло. Напротив, Вера испытала чувство облегчения и досады – ну как она не разглядела Валерку раньше? Как позволила себе поверить этому ничтожеству?

Мать говорила, что Валера всего-навсего охотился за ее метрами жилплощади. Трехкомнатная квартира в центре Москвы того стоит. А Валера живет вместе с замужней сестрой и матерью. Оттого и польстился на нее, Веру.

Мать всегда била по-большому. Наверное, по-другому она не могла. Ей нужно было поставить Веру на место, уязвить, чтобы дочь не воображала о себе бог знает что...

Все это промелькнуло в голове Веры, когда мать выросла на пороге ее комнаты.

– И что это у тебя в руках? – спросила мать, окидывая ее привычным критически равнодушным взглядом.

– Ты не представляешь!

– Почему же? – с легким оттенком презрения сказала мать. – Представляю. Какое-нибудь письмо о повышении налогов или о долге по квартплате...

И все в матери – от волос, крашенных в сложный медно-рыжий цвет, до тонкой ниточки бровей и уголков губ, опущенных вниз, – выражало презрение лично к Вере.

– Ничуть! – торжествующе перебила ее Вера. – И не догадаешься.

С минуту-другую мать смотрела на нее, сверля глазами, а затем махнула рукой.

– Выкладывай!

– Может быть, кофе сначала попьем? Из чашек мейсенского фарфора?

– А что, есть повод?

Кофейный сервиз из тонкого фарфора ставили на стол по особо торжественным случаям.

– Есть! – ответила Вера. – И еще какой!

Ей хотелось объявить о своем открытии в торжественной обстановке, как-то смягчить мать, увидеть улыбку на ее лице. Вдруг она станет относиться к Вере с большим вниманием и заботой?

– Ну тогда – накрывай! Впрочем, тебе доверить сервировку стола я не могу. Так что посиди пока, а я все сделаю.

Через двадцать минут стол был сервирован по всем правилам. Дымился кофейник, стояли чашки. Аромат кофе разносился по всей квартире. Мать признавала только настоящий бразильский кофе тонкого помола.

– Ну, теперь говори. Рассказывай, что там стряслось?

Мать пила кофе из чашки мейсенского фарфора, манерно оттопырив мизинец.

– Помнишь, я тебе говорила, что отправляла письмо с запросом о нашей родне?

– Честно – нет. Не помню. А было дело?

– Но как же! Ты всю плешь мне проела, что мы – из старинного дворянского рода. У нас род с богатой историей. Нужно только поднять архивы и все хорошенько разузнать.

Мать смотрела на нее внимательно.

– И что ты сделала?

– Я отправила письмо с запросом в генеалогическое общество, чтобы нашли наши корни.

И выяснилось, что мы из старинного итальянского рода Орбини. Это по линии нашей бабушки Дарьи Андреевны. Ты сама говорила, что в ней смешение кровей, что она откуда-то из Литвы, работала переводчицей, на радио... Представляешь? – Вера почувствовала, что ее щеки покраснелись.

Мать откинулась на спинку стула.

– И когда ты это выяснила?

– Вчера. А сегодня решила сказать.

Мать молчала.

– И что ты будешь с этим делать?

– Ничего, – сникла Вера. – Ты же сама все время говорила, что хорошо бы знать родню, что сейчас живет поколение без роду и без племени... Разве не так?

– Так.

– Ты говоришь словно и не рада, – обиделась Вера. – А я так старалась...

– Спасибо за хлопоты, – с едкой иронией сказала мать. – Думаю, что тебя хорошенько надули. Интересно: сколько ты заплатила за эту подделку. Разводиловку для лохов. Какой еще итальянский древний род?! Ты что, матушка, рехнулась? И если честно, то я говорила это просто так. Одна моя бывшая коллега теперь состоит в Дворянском собрании. Вот и я тоже захотела...

Вот так всегда. Одним щелчком мать умеет показать Верину несостоятельность, то, что она – никчемный человек и никудышная женщина.

На глазах выступили слезы.

– Ладно, я пошла...

– У тебя сегодня уроки?

– Да, – солгала Вера. – Урок. Надо собираться.

Частное репетиторство – преподавание английского и итальянского языков Вере давно уже осточертело, но приходилось смиряться, так как это был единственный вид деятельности, который приносил доход. Ее основная специальность – филология, специалист в области романских языков – не кормила. Статьи, которые Вера поначалу писала в одном интернет-журнале, не кормили, платили с задержками и очень мало, она пробовала заняться переводами, но и там не пошло. То не платили, то отказывались от ее услуг в самый последний момент. Словом, старое доброе репетиторство было на первых порах чем-то вроде палочки-выручалочки. А потом – полноценной работой. И хлебом насущным. Ученики были разными, но в целом – Вере везло, и особо жаловаться она не могла.

Сейчас она соврала матери по поводу уроков, потому что дома находиться совершенно не хотелось. Сын был в летнем лагере, и она решила поехать к закадычной подруге. Светлане.

Когда Вера пожаловалась, что мать ее гнобит, Светка принялась ее утешать:

– Да, плюнь на нее! Старая гримза просто бесится. Понимает, что ее время уже ушло. Как же, актриса, которую никуда не зовут и о которой все забыли! И потому не знает, как на тебе свое раздражение выместить.

Вера молчала. Что тут сказать? Но в глубине души мать было жаль, потому что Вера понимала: мать переживает трагедию безвозвратно ушедшей жизни, которая уже никогда не вернется. Наверное, это требует от человека особого мужества, терпения и смирения – жить так, как будто бы впереди еще много дней...

Вера шмыгнула носом.

– Брось! – сказала Света. – Хочешь мы сейчас оторвемся?

– Хочу, – прошептала Вера.

Они пили индийский чай со специями, приготовленный по особому старинному рецепту, и Вера ощущала, как ее тело наливается легкостью, напряжение уходит. Голова становится пустой, в ней что-то легко звенит – как колокольчики на лугу...

– Как тебе? – спрашивала Светлана.

Кухня у Светы маленькая: всего три метра, вся заставлена какими-то баночками, яркими кувшинчиками, повсюду связки сухих трав.

– Это все жутко полезно и поднимает настроение, – объясняла Светлана.

– Понимаю, – откликнулась Вера. – Понимаю...

У нее на языке вертелась тайна, которой страшно хотелось поделиться с подругой.

– И это еще не все... – сказала она. И замолчала.

Света полулежала на топчане в углу и пила чай. Вера сидела на низкой табуретке, почти упираясь коленками в топчан.

– А ну-ка выкладывай! – сказала Светлана, повысив голос. – Ишь ты, развела тайны от подруги...

В сбивчивом объяснении Веры это выглядело так: они, Шевардины, происходят из древнего итальянского рода Орбини, о котором еще до недавнего времени никто из их семьи не знал. Но факт есть факт. Расследование проведено крупнейшим историко-генеалогическим центром «Фамильное древо», и там же Вере выдали бумагу, где черным по белому все это и написано. И теперь Вера не знает, что делать с полученной информацией. Мать отнеслась к этому сообщению с недоверием. Обвинив Веру в том, что она выбросила деньги на ветер и стала жертвой изощренного обмана. Попросту говоря, лохом. Но Вера ни на секунду не сомневается в добросовестности научных сотрудников, работающих в центре, но все же какой-то червячок сомнения гложет ее.

– А вдруг все не так, как это выглядит на бумаге? – И для большей убедительности Вера помахала выданным свидетельством.

– Нифигассе! – заметила Светлана, потягивая матэ через трубочку. – Сколько печатей понаставили, и бумага гербовая...

– Ну и что? – воскликнула Вера. – Я привыкла никому не доверять.

– Чего ты боишься? Сформулируй страхи. Так будет легче решать проблему.

Последнее место, где Света училась, был психологический консультативный центр под названием: «Помоги себе сам и протяни руку поддержки другому».

– Как я их сформулирую? У меня одни догадки, четких доказательств нет.

– Хорошо, я сделаю это за тебя. – Светлана свесила ноги с топчана и поставила тыковку с матэ.

– Ты боишься, что никакой итальянской родни нет. Это – раз...

Вера энергично кивнула.

– Что если даже все совпадает: имя, фамилия и так далее, эта женщина не состоит с вами ни в каких родственных отношениях... Это – два. Тебя надули на крупную сумму денег, это – три...

– Третье меня меньше всего волнует.

– Четвертое: тебе влетит нагоняй от матери, если она узнает про твои напрасные хлопоты и потерю денег. И ты этого боишься.

Тебе надо перестать мучиться комплексом вечной жертвы и шире смотреть на жизнь, а твое девиантное поведение не оставляет тебе никакой свободы выбора.

– Светка! – вскричала Вера. – Кончай нести эту бодягу! Проблема серьезная. Ты это понимаешь или нет?

– Хорошо, что предлагаешь лично ты? Какие-то варианты у тебя есть?

Вера задумалась.

- Наверное, нужно проверить эту информацию.
- Каким способом?
- Надо подумать. Решение проблемы может прийти внезапно.

Домой Вера пришла немного успокоившись. Светлана хоть и суматошная особа, но умеет найти слова, которые приводят в чувство.

* * *

Италия. Окрестности Флоренции. Наши дни

– Ба! – Даниэла вбежала на прохладную террасу и замерла.

Бабушка дремала в кресле, на столике стояла чашка с недопитым кофе, а рядом лежало письмо...

– Ба, – сказала Даниэла тише и подошла к дремавшей старушке уже на цыпочках.

Она любила свою бабулю и не собиралась нарушать ее покой, раз та уснула. Послеобеденный сон очень полезен особенно для людей в возрасте. А бабушке уже за восемьдесят. И Даниэле хочется, чтобы бабушка жила долго. Строго говоря – это была ее прабабушка, бабушка умерла пять лет назад, но Даниэла всегда называла Мари-Роз – тоже бабушкой.

В их роду были долгожители. Дедушка Андреа дожил до девяносто четырех лет, а его сестра до девяносто семи.

Даниэла скользнула взглядом по письму. Незнакомый почерк. Она задумалась. Вернуться обратно в гостиную и, устроившись на диване, скоротать время за просмотром фейсбучной ленты друзей? Или...

Брови взлетели вверх, нахмуренное выражение лица сменилось другим – заинтригованным. Даниэла осторожно взяла письмо со стола...

«Бабушка не будет сердиться, я просто посмотрю его, и все».

Даниэла устроилась с письмом в гостиной. Ветер с улицы залетал в окно, надувая занавески. Воздух был горячим, но включать кондиционеры не хотелось. Она как истинная южанка любила тепло, ее кожа жадно впитывала в себя горячий воздух. Даниэла забралась с ногами на диван и принялась читать.

Интерес сменился недоумением. Письмо было длинным, она боялась, что бабушка в любой момент проснется, что она не успеет дочитать. Даниэла быстро сфотографировала письмо на мобильный и продолжила чтение.

Интересно, что это за письмо?

Бабушка никогда раньше не говорила о людях, которые в нем упомянуты. Неужели у Мари-Роз в ее-то возрасте появились тайны? Даниэла улыбнулась.

Бабушка и тайны... Милая бабуля, нужно почаще приезжать к ней, не забывать.

По мере чтения Даниэла все больше и больше удивлялась, пока не осознала, что она ничего не понимает.

Здравствуй, Мария!

Я пишу тебе в надежде, что ты все-таки прочтешь мои письма. Ведь в них история нашей семьи, точнее – часть истории, та, которая касается непосредственно тебя. Я не буду открывать тебе чужих тайн, а только наши, кровные. И знать их необходимо, ведь если мы не поймем истоки, то не поймем – ничего... Твой род принадлежит к числу древнейших и славнейших родов Италии, и ты должна знать его историю, историю семьи и свою собственную...

Если я не расскажу тебе все до конца, ты никогда и не узнаешь истины, потому что многие захотят скрыть ее от тебя. Они руководствуются своими представлениями о жизни

и правде. А я считаю, что тайн быть не должно, особенно таких, которые касаются человека, его прошлого, настоящего и будущего.

Как мне вообще пришло в голову писать тебе, несмотря на расстояние, разделяющее нас? Во-первых, возраст, как ни крути, штука неприятная и неизбежная. Он приносит болячки, слабость, понимание, что твой последний час близок... Но еще хуже – страх, что смерть может наступить внезапно, и тогда все планы окажутся напрасными. Но возраст имеет и свои преимущества. Жизнь в старости предстает другой. Более очищенной от чуждых наслоений. Как стекло, которое было мутным, вдруг внезапно стало чистым, звонким, прелестно отражающим наш мир. В старости нет места унынию, это привилегия среднего возраста, здесь уже вступаешь в диалог с вечностью. И радуешься совсем небольшому – солнцу, траве, пробивающейся сквозь полуразрушенный мрамор, запаху моря.

Но чтобы достойно встретить старость – нужно примириться с ее дарами и отринуть тяготы.

Я долго шла к этой науке и, кажется, нахожусь в процессе постижения. Я переменила место жительства и уехала из Флоренции на Капри. Поселилась не в родовом поместье – там уже давно хозяйничает Катарина, племянница Мариуччи, а в маленьком домике, скромном и неприметном. Но зачем мне в старости пышность? Зато здесь я предоставлена самой себе и могу без помех наслаждаться жизнью в каждом мгновении. Или как писал Петрарка?

И ты знаешь, когда я уехала из до слез любимого Рима – мне стало легче. Наверное, пришло осознание, что я вступила в свой последний завершающий этап жизни. Шокирующую зрелость – так бы я это назвала. Я любила Рим и люблю до сих пор. Это город, переживший всех. О Рим разбили волны веков и оставили на нем свой след. А какая прелесть, что в Риме так органично перемешались все эпохи! Такого нет в Париже, который этот великий и ужасный барон Османн застроил однотипными зданиями, разрушив средневековый город, от прежнего Парижа почти ничего не осталось...

Но вернемся к Капри. Так странно возвращаться в места, где прошла твоя юность. Странно... А потом тебя охватывает ликующая радость, словно ты вернулась в свое детство, но уже другой, и ты можешь смотреть на себя с высоты возраста. И детство видится таким же прекрасным, но еще более сладостным. Потому что – недостижимым.

Я всегда любила море. И мне его не хватало позже. Когда я жила в Риме, я скучала без вида ярко-синей глади, простиравшейся до самого горизонта. Синей, без малейшей примеси других оттенков. Я знаю – и здесь нет никакого секрета, что наши итальянские моря – самые красивые в мире... Они красивы, потому что щедрое южное солнце, согревая своими лучами воду, придает ей насыщенный синий цвет, пронизанный золотистым свечением. Это надо видеть!

Здесь можно в полной мере вкушать то, что называют «искусством жизни». В этом мы, итальянцы, весьма преуспели. Есть же такое выражение – «дольче вита». На самом деле, оно почти не переводимо на другие языки. Это не просто сладкая жизнь в ее вульгарном понимании. Это сладость, как благоуханность, как благодать, как аромат в пору наивысшего цветения... Мы, итальянцы, при всей своей шумности и внешней суетливости, никуда не торопимся, поэтому традиции у нас в крови. И тот, кто хоть однажды побывал в Италии, обязательно вернется сюда снова...

Вот так, постепенно, я подбираюсь к главному предмету моих писем. Я непременно должна сказать о русских в Италии. Позже ты поймешь: почему вообще возникла эта тема. И пусть тебя ничего не удивляет – жизнь порой полна таких сюрпризов и тайн, перед которыми меркнут художественные романы.

Я хочу сказать тебе, дорогая, что тяга русских к Италии – неоспорима. Эти связи тянутся из глубины веков. Они никогда не прерываются и никогда не исчезают. Все мы знаем имя Зинаиды Волконской, Вячеслава Иванова... И, конечно же, Николая Васильевича Гоголя!

Этого великого страдальца, который был так очарован Италией и который написал на итальянской земле великое произведение русской литературы «Мертвые души». Его даже изучают в русских школах! Мы не представляли, что этот чудак, который всем казался не от мира сего и который с таким удовольствием поглощал изыски итальянской кухни, величайший писатель!

Но я хочу рассказать тебе о другом писателе. Я долго думала: нужно ли ворошить эту старую семейную историю? Не лучше ли все оставить так, как есть, и не поднимать мертвецов из могил. Так, кажется, выразилась тетушка Лючия, когда ее теребили в девяностолетнем возрасте. Но все же есть истории, которые нужно знать...

Максим Горький был, несомненно, мужчиной интересным, я говорю тебе об этом, потому что я его видела молодым. До того, как он стал памятником, бронзовым идиолом, с неизменно застывшим лицом. Молодость хороша тем, что она изменчива, по ней мы можем судить о будущем человека, о том, что его ожидает при определенном сочетании звезд. А старость – это уже кульминация, итог, когда изменить ничего нельзя. И мы можем только констатировать прожитую жизнь с точки зрения – что получилось. Но не стоит сравнивать молодость и старость. Иначе можно увидеть: как все лучшее осталось в прошлом, не развилось в обещанное, а застыло под грузом погребенных надежд. И это наблюдать всегда печально, если не сказать – трагично.

Но вернемся к Максиму Горькому.

Это был мужчина нежный и чувствительный, скрывавший свою истинную натуру под маской грубоватого парня. С такими человеком в жизни встречаешься, но не часто. Вроде бы простоват и грубоват, а затронешь сердечные струны, и там ой-ой – такие вулканы нежности, чувствительности и страсти, что только и успеваешь кутаться в них как в солнечный ветер или в мягкое одеяло из пуха, которым отогреваются в плохую погоду. Видишь, я уже ударилась в лирику. Наверное, это у нас, итальянцев, в крови...

Так вот Максим Горький и в молодости был человеком с огромными возможностями. В то время мужественные писатели процветали... Считалось, что они должны были написать романтикой морей, побывать в разных передрягах, постранствовать, прежде чем взяться за перо. Писатели были кумирами, идолами. Взять хотя бы нашего Габриэля Д'Аннунцио. Властитель дум! Ничего не скажешь...

Таким был, к примеру, Джек Лондон, позже – старина Хем, всеми обожаемый Эрнест Хемингуэй. Максим Горький был из их числа. Даже его псевдоним говорил о том, что он старательно играет на стороне угнетенных. В то время это было страшно модно. Идеи всеобщего равенства и справедливости захлестнули мир, кажется, я об этом уже писала, но, наверное, буду возвращаться к этой теме не единожды, так как для меня это своеобразный феномен. Как это наша добропорядочная старушка Европа вдруг слетела с катушек? Чего ей не хватало? А может быть, в стабильности и процветании уже таятся семена разложения, и человеку хочется какой-то встряски, чтобы идти дальше. Вперед. Над этим периодом истории еще придется поработать историкам, политологам, социологам, психологам... Загадок много.

Но Максим Горький при всей своей чувствительности был очень практичным человеком. Его дружба с большевиками говорит как раз об этом. Практицизм Горького был и в выбранном им месте жительства. Он эмигрировал в Италию, и это говорит о том, что он умел жить и ценить жизнь во всех ее проявлениях. Не чурался благ земных...

А теперь самый интересный момент – встреча с Максимом Горьким. Как Даниэла познакомилась с ним. Нужно отметить, что Даниэла и я были погодками. Я только на год моложе. А в юности год так многое значит, не то что в последующие годы. Есть же разница между четырнадцатью и пятнадцатью годами. Шестнадцатью и семнадцатью. А вот

пятьдесят или шестьдесят лет – разница уже не так заметна. Чем дальше, тем сильнее стирается индивидуальность каждого года, его яркость и аромат.

Похоже, я стала в старости философом! Кто бы мог подумать!

Итак, Даниэла познакомилась с Максимом Горьким. Представь себе, это произошло случайно, у моря... Ломаный итальянский молодого русского ее пленил сразу, как и он сам. Забегая вперед, могу сказать, что говорить по-итальянски Горький так и не научился.

И между ними, как говорится, сразу пробежала искра. Могло ли быть по-другому? Писателю было около сорока лет, Даниэле – семнадцать. Красавица-итальянка в самой прелесть своей девичьей красоты...

Даниэла повертела письмо в руках. Откуда оно у бабушки? Она с нежностью посмотрела на спящую старушку. Как интересно! Похоже, есть еще письма! И где они? Где бабушка их хранит? Наверняка она время от времени перечитывает их. Но кто их писал?

Даниэла потянулась и зевнула. Нужно будет обязательно спросить об этом.

Но если бабушка рассердится и сделает выговор?

Налетевший ветер взлохматил волосы.

Даниэла потянула носом. Какой густой душистый аромат принес ветер. Так и есть – розы! Этот сорт роз – крупных, темно-красных обладал необыкновенным ароматом. Бабушка гордилась ими. Даниэла поднялась с дивана и теперь стояла посередине комнаты в растерянности. Бабушка Мари-Роз так крепко спала! Но что ей делать?

Наконец она приняла решение, положила письмо обратно и направилась к выходу. А бабушке потом позвонит и скажет, что заезжала к ней, но не решилась разбудить.

Перед тем как покинуть комнату, Даниэла обернулась и еще раз посмотрела на бабушку. Милая, милая бабуля! Как же она ее любит!

* * *

Было очень жарко. Даниэла села на мотоцикл и понеслась по улице, ощущая скорость и ветер. Она любила быструю езду. Мама всегда говорила, что она – настоящая итальянка. И Даниэла гордилась этим. Она так многое любила в жизни: вкусную еду, красивую одежду, драгоценности, отдых на яхте, танцы, море. Любила смотреть на себя в зеркало и видеть четкие черты лица, крупные глаза и чувственные губы.

«Моя маленькая девочка!» – шептала ей мать, звонко целуя в щеку.

«Красавица», – шептали ей мужчины.

Даниэла любила ухаживания, секс, ночи, наполненные любовью. Но до сих пор никто не затронул ее сердце. Наверное, для настоящей любви еще не пришло время. А когда оно придет? Она не задумывалась над этими вопросами. Ее устраивало все, как есть. Она молода и обременять себя семьей пока не собирается.

Даниэла припарковала мотоцикл у старинного палатца. И вбежала на второй этаж. Там она снимала квартиру, чтобы не жить с родителями. Даже собственная семья тяготила ее, хотелось неограниченной свободы, а если ты живешь с близкими, приходится многим жертвовать.

Она сбросила одежду и побежала в душ. И, стоя под тугими струями прохладной воды, которая остужала разгоряченное тело, Даниэла думала, что делать с этим письмом. Наверняка в нем какая-то семейная тайна! Несмотря на возраст, она вдруг внезапно почувствовала себя маленькой девочкой, которая находится в заколдованном лесу и не знает: куда ей идти. Дорог – нет, но нужно выбрать верное направление! А если с кем-то посоветоваться?

Когда Даниэла вышла из душа, то она уже знала, что сейчас сделает один звонок и пригласит в гости приятеля.

Может, он подскажет ей – что делать?

Джованни пришел сразу, как только она позвонила. Было впечатление, что он находился поблизости и ждал ее звонка. Он вошел в комнату, Даниэла предложила ему на выбор кофе или алкогольный коктейль. Джованни попросил коктейль, и Даниэла через несколько минут уже протягивала ему холодный стакан с кубиками льда.

Он неотрывно смотрел на нее, и Даниэла отвела глаза. Как тягостно внимание мужчины, к которому ничего не испытываешь! Однажды она переспала с Джованни и сразу поняла, что это было ошибкой. Они остались друзьями, но больше Даниэла не ставила рискованных экспериментов. Все-таки, как говорила одна ее знакомая, ложиться в постель можно хоть с дворником, при условии, что тебя к этому дворнику тянет...

Даниэла села на высокий табурет и крутанулась на нем. Эту квартиру она обставила современной мебелью. Ей надоели антиквариат, старинная мебель, прохладные залы, многоярусные люстры, атмосфера респектабельности и многовековых традиций. Ей хотелось стряхнуть с себя всю ветошь, как она это называла, и зажечь современной жизнью. Легкие стычки с семьей грозили перерасти в затяжные баталии. Пока этого не произошло, Даниэла удрала из семьи, пообещав еженедельно являться на субботние обеды.

И на расстоянии отношения с семьей приобрели подобие хрупкого мира. Кажется, всех это устраивало. Кроме Даниэлы в семье подрастал еще брат Антонио, Тони, хрупкий семнадцатилетний юноша. Даниэла была рада, что в ее отсутствии мать может излить любовь на брата.

И все же самой себе Даниэла иногда признавалась, что скучает по своей комнате в фамильном особняке и иногда ей хочется вернуться в детство, чтобы снова ощутить безмятежную радость от простых вещей. Но она прекрасно понимала, что ничего назад уже не вернешь, и вообще – жизнь неумолимо движется вперед, и нужно пользоваться каждым мгновением. Ведь все так скоротечно...

Даниэла тряхнула волосами, освобождаясь от мыслей. Джованни по-прежнему смотрел на нее, не отрываясь.

– Мне нужно кое о чем с тобой посоветоваться, – сказала Даниэла.

– Я слушаю. – И Джованни сразу словно принял стойку преданной охотничьей собаки.

Даниэле стало смешно, но она подавила смех, чтобы не обидеть приятеля.

– Ко мне в руки попало одно письмо, и мне интересно: что за люди в нем упомянуты. И какое отношение они имеют к нашей семье. Я его сфотографировала и сейчас тебе скину на почту. Лови!

Даниэла отправила письмо приятелю.

– Ты хочешь, чтобы я установил автора письма и всех, кто там упомянут?

– Была бы весьма признательна, – улыбнулась Даниэла. Она знала, что с мужчинами лучше всего обращаться именно так. Она знала власть своей красоты и беззастенчиво пользовалась этим.

– Хорошо...

Возникла пауза.

Эта минута длилась и длилась. Наконец, девушка, зевнув, сказала:

– Ну а теперь в город? В наше кафе, где можно повеселиться?

Она видела, что Джованни хотел бы остаться, если бы она подала ему какой-то знак, он бы с радостью провел время с ней наедине, а не в кафе. Но он был ей слишком противен, от близости с ним остался осадок чего-то неприятного, как будто бы она с разбегу в светлый день влетела в грязную лужу и забрызгалась.

И еще у него страшно потели ладони.

По лицу Джованни скользнула тень разочарования.

– Ну что ж, в клуб, так в клуб! Повеселимся!

Глава 2

Первые восторги и сомнения

Легче всего осуществимы те мечты, в которых не сомневаются.
Александр Дюма

Москва. Наши дни

Вера с интересом смотрела по сторонам. После некоторых колебаний и сомнений она решила обратиться за помощью в историко-консультативный центр «Клио».

Она нашла эту фирму в интернете, позвонила и записалась на прием.

Офис располагался в старинном особняке, но внутри все было обустроено по-современному. Молодая женщина, которую звали Анна Николаевна Рыжикова, смотрела на Веру внимательно и с любопытством.

– Я слушаю вас.

– Да, – встрепенулась Вера. – У меня тут такой вопрос – деликатный...

– У нас все вопросы деликатные, – неожиданно строго сказала сотрудница «Клио», и Вера смутилась еще больше.

– Я понимаю... Но здесь...

– Да вы не стесняйтесь, – улыбнулась девушка. – У нас здесь все по-свойски. Это такие регалии – внушительные.

– Спасибо.

– Чай, кофе? Есть даже матэ.

– У меня подруга пьет матэ. Но я уже им напилась. Если можно, кофе.

– Сейчас.

Пока кофе готовился, Вера разглядывала офис. Ее внимание привлекла сова на глобусе. Проследив за взглядом посетительницы, Анна улыбнулась.

– Как вы думаете, что это характеризует?

– Затрудняюсь ответить.

– «Натянуть сову на глобус». Завет, который мы соблюдаем. От противного. Мой начальник говорит, что ни в коем случае не надо натягивать сову на глобус. Слышали такое выражение?

Вера неопределенно мотнула головой.

– Это значит, не надо подгонять факты под теории и гипотезы. Крылатое выражение среди историков.

– Интересно, – согласилась Вера.

– Кофе готов.

Кофе пах корицей и карамелью.

– Я на минуту отлучусь. Вот печенье, конфеты, располагайтесь.

Анна вышла в соседнюю комнату, оттуда доносились голоса: двое о чем-то говорили, но о чем – было не разобрать.

Через несколько минут сотрудница «Клио» вернулась и села за стол.

– Слушаю вас!

Вере показалось, что девушка даже стала выше ростом и приобрела внушительность. Глаза смотрели сосредоточенно и строго.

– Я, собственно, не знаю, как начать... – смутилась Вера.

– Не волнуйтесь, – улыбнулась Анна. – Мы для того и есть, чтобы решать ваши проблемы.

Вера выдохнула: это было приятно, что кто-то хочет решать ее проблемы. Этому ей еще никто не предлагал, напротив, все хотели, чтобы это Вера решала их проблемы. А на нее саму им было наплевать. Что она, как она, о чем думает, о чем мечтает, какие у нее желания...

– Еще кофе?

– Нет, спасибо. – Вера сложила руки на коленях и посмотрела на них. Руки были в красных прожилках, от того, что приходилось таскать большие сумки с продуктами. Мать не снисходила до таких мелочей быта, как покупки, переложив все заботы на дочь.

– Дело в том, – начала Вера, – что я некоторое время назад отправила запрос в генеалогический центр по поводу моей родословной. Знаете ли, мама заела, – слабо улыбнулась Вера. – Все время говорила, что у нас знатный род и что мы происходим чуть ли не от князей и бояр. Вот я и решила выяснить: так ли это. Просто хотелось... – И Вера замолчала.

Из-за окна доносился слабый гул: машины, чьи-то голоса, смех. Звуки летней улицы, а еще откуда-то плыл запах черемухи – душистый, одуряющий...

– Я хотела выполнить ее просьбу, – закончила Вера.

Она не могла признаться, что ей хотелось утереть матери нос, ткнуть ее в несуществующее фамильное древо с князьями и боярами и сказать: «Мама, ты ошибалась, мы простые люди и не надо утверждать, что наша родословная идет от Рюрика...»

– Так. – Анна склонила голову набок и посмотрела на посетительницу. В ее глазах плясали насмешливые искорки, словно она разоблачала Верину ложь.

– Когда же я получила справку от центра, то... То подумала, что это розыгрыш.

– Почему?

– Потому что в бумаге, которую мне выдали, сообщалось, что наш род по линии прабабушки принадлежит к древнему итальянскому роду Орбини. Разве так бывает? – Вера с надеждой посмотрела на Анну.

Ей хотелось, чтобы девушка улыбнулась и сказала: «Конечно, это выдумки, не волнуйтесь, идите домой и живите спокойно, как будто бы ничего и не было».

Но вместо этого Анна спросила:

– И что?

– И что? – повторила Вера.

– Что вас в этом смущает?

– Но это же не может быть! – торопливо заговорила Вера. – Как мы можем быть связаны с итальянским родом Орбини?! Это невозможно!

– Вам дали подробную справку или какие-то вопросы остались?

– В документе, который выдали, все расписано достаточно подробно.

– Можно посмотреть?

Вера протянула отскрокопированный бланк с печатью и разветвленным древом-схемой. Анна посмотрела на него, прищурившись.

– Я сейчас сделаю копию.

– Да, конечно, я и хотела отдать это вам, чтобы вы разобрались: все ли здесь в порядке. Или нас обманули...

– А зачем им вас обманывать?

Вера понимала, что она выглядит, мягко говоря, глупо, если не сказать больше – по-идиотски, и в самом деле, зачем уважаемому генеалогическому центру обманывать ее, Веру Шевардину? Какой смысл?

Но Вера пожала плечами.

– То-то и оно, смысла нет, – подытожила Анна и постучала карандашом по столу. – Что вы все-таки хотите от нас? Сформулируйте, пожалуйста.

Вера задумалась, словно прислушиваясь к себе.

– Я хочу, чтобы вы разобрались во всем этом. Так ли все на самом деле...

Брови Анны взлетели вверх.

– Я вас поняла: проверка достоверности сведений.

– Да. Именно так. Какие у вас расценки?

Анна щелкнула на клавишу компьютера.

– Ваше задание обойдется вам по стандартным расценкам – пять пятьсот. Если возникнут дополнительные сложности, тогда сумма увеличится, но насколько, сказать не могу – в зависимости от сложности задания.

– Я поняла. Я согласна, – торопливо заговорила Вера, словно боясь, что Анна передумает. – Оплату внести сейчас?

– Можно сейчас, можно через несколько дней, как вам удобно.

– Спасибо, лучше сейчас.

Вера достала пять тысяч, сверху положила еще пятьсот рублей.

– Хорошо. Сейчас выпишу квитанцию.

Получив квитанцию, Вера сложила ее и убрала в сумку.

– Оставьте ваши координаты, – попросила Анна. – Телефон, электронную почту.

Вера продиктовала свои данные и вышла из кабинета.

Когда за клиенткой закрылась дверь, Анну окликнули из другой комнаты:

– Что там?

– Вась! – весело отозвалась Анна. – По-моему, у девицы не все дома. Ей прислали справку из генеалогического центра, что она является...

– Я все слышал, – перебил ее Василий. – Что ты думаешь обо всем этом?

– Стандартная проверка, и дело будет закрыто. Ребята из этого центра работают обычно четко, ну а вдруг сбой?

– А если не сбой?

– Ну тогда нашей клиентке крупно повезло. Оказалась в родстве со знаменитым итальянским родом!

– Ты думаешь, они с энтузиазмом воспримут весть о родственнице из России?

– Это уже ее проблемы.

– Верно! Что у нас там на обед?

– Ничего. Холодильник пуст. А ты вроде на диете?

Габариты начальника в последнее время упорно стремились к шару. Вася Курочкин пыхтел, сердился и клялся, что с понедельника садится на строгую диету, но проходил день-два, и все начиналось сначала. Пристрастие Васи к бургерам, жареной картошке, пиву, соленой рыбке делало свое дурное дело.

– На диете! – отозвался внезапно сникший голос. – Но есть-то хочется!

– Ради фигуры можно и потерпеть!

– Рыжикова! Не учи шефа!

– Я о тебе беспокоюсь!

– Я сам о себе побеспокоюсь!

– Не видно!

– Я заказываю пиццу, – с угрожающими нотками сказал Курочкин. – Твой выбор? С грибами? С салями или с ананасами?

– С устрицами! – пошутила Анна.

– Сейчас посмотрим в меню. Кажется, это новинка...

* * *

Вера вышла на улицу в смятении. С одной стороны, она честно выполнила свой долг. С другой... Правильно ли она поступила? А вдруг сотрудники «Клио» обратятся за разъяснениями в генеалогический центр, а им напишут опровержение, сообщат, что данные ошибочны?

Вера со вздохом призналась себе, что ей очень нравилось думать, будто она принадлежит к древнему итальянскому роду Орбини. И лишиться этой сказки не хотелось!

Липа пахла так сладко и маняще, что ноги сами собой понесли Веру к оазису аромата. Сделав несколько шагов, она очутилась в небольшом скверике между домами, где и высилось дерево, распространявшее вокруг себя чарующие флюиды.

Вера опустила на скамейку. Пискнула эсэмэска. «Мам! Я купаюсь в море! У нас тут весело. Гоша съел мой завтрак и показал ужа».

Следом за эсэмэс возникла фотография сына – веселого, загорелого, Паша стоял, победно вскинув ладошку вверх.

Слава богу, пристроила сына. Почти на все лето...

Вера вспомнила, как она мучилась в конце весны: куда отправить сына на отдых. Мать наотрез отказалась выезжать на дачу, потому что у нее «интуиция»: ей вот-вот позвонят и пригласят в театр. С годами у матери это стало почти манией. Оставлять Пашу на все лето в Москве было бы настоящим преступлением. Достаточно прошлого скомканного лета, когда редкие поездки на дачу сопровождались материнскими скандалами: что она, Вера, не умеет толком устроить свою жизнь и все надеется на мать.

Это была чудовищная неправда. Вера уже давно ни в чем на мать не надеялась, а строила жизнь сама. Горькая правда состояла лишь в том, что Вера не имела в своем кармане несколько миллионов, чтобы купить себе квартиру и переехать от матери. Разменивать трехкомнатную квартиру мать не хотела ни в коем случае. Хотя Вера была согласна и на однушку на окраине Москвы, лишь бы жить отдельно, лишь бы ей и сыну не портили нервы. Но матери, очевидно, доставляло удовольствие мучить дочь и внука. Вера стиснула зубы, предательская слеза капнула на экран мобильного, прямо на улыбку сына, Вера быстро провела пальцем по дисплею, стирая влагу.

Ей нужно сосредоточиться, а не раскисать. Вдруг это странное родство с князьями – шанс для нее и Пашки. Она сможет вывезти сына в Италию, обеспечить его будущее... Вере вдруг стало страшно, что проверка выявит ошибку и ей пришлют письмо с извинениями.

Она хотела было вернуться в офис «Клио» и сказать, что отменяет задание. Но, поразмыслив, решила все оставить как есть. И будь что будет...

* * *

Пицца дымилась, и от ее аромата текли слюнки. Анна посмотрела на Васю. Бедняга, скоро он приблизится к размерам Ниро Вульфа.

Когда шеф был голоден, он был злым, сердитым и несправедливым. А поев, становился вальяжным, добрым и похожим на благодушного кота.

– Значит, дамочка сомневается?

– Сомневается!

– Не верит своему счастью, – заметил проникательный Курочкин.

– Похоже на то!

– Рыжикова, а ты заметила, как глубоко в нас сидит совковая психология. Мы словно боимся счастья и хороших новостей и все время подсознательно ждем чего-то плохого. И когда наши худшие опасения подтверждаются, мы даже радуемся. Ну не садисты ли?

– Говори только за себя, я не радуюсь плохому.
– Хорошо, Рыжикова, раз ты настаиваешь на точности, то пожалуйста. Говорю за себя и еще за многих.

Немного помолчав, Вася спросил:

– Сколько ты планируешь взять времени на это задание?

– Не знаю. Отправим запрос в генеалогический центр уже от нашего имени. Там отнесутся к проверке более внимательно. Потом проверим по нашей базе. Думаю, неделя, полторы недели максимум.

– Разве это задание? Так у нас скоро заработки упадут и нам нечем будет платить за аренду. Ты не находишь?

– Я всегда смотрю в будущее с оптимизмом!

– И не жалеешь, что мы оставили насиженное место и основали собственную фирму? – понизив голос, спросил Курочкин.

Анна бросила на него быстрый взгляд из-под ресниц и твердо ответила:

– Нисколечки! Ни секундочки!¹

* * *

Когда Анна осталась одна, она скинула туфли и прилегла на диванчик. Она любила так расслабляться и отдыхать. Анна была молодым историком, аспиранткой. Правда, диссертацию она еще не защитила, но Вася расслабиться не даст. И время от времени дает ей нагоняй за слишком медленную научную работу.

Слова Васи вернули Анну в недавнее прошлое, когда она и Курочкин работали в центре при научном учреждении, жили скудно, денег на их центр не выделяли. И вот недавно они с Васей решили открыть собственную фирму. Рискнуть. Теперь дела на работе шли неплохо. Особенно поначалу. Она смогла съехать от отца и снять небольшую однокомнатную квартирку. А вот на личном фронте все было не так лучезарно.

Данила, ее жених, редко бывал рядом. Он работал в основном за границей и в Москву приезжал нечасто. Анна уже привыкла к одиночеству, но не находила его нормальным. Одиночество всегда имеет привкус горечи и несбывшихся ожиданий. Но одна из основных мыслей, к которой Анна пришла за минувший год – в мире нет ничего постоянного. Конечно, это банально! Но каждый должен понять, прочувствовать и осознать эту истину на собственной шкуре. Понять не отвлеченно, а душой.

Анна часто размышляла, что люди древности жили размеренно и неторопливо. Одна из прелестей такого существования – ощущение времени как длительности, они осознавали, что все можно сделать и успеть. Не сегодня, так завтра. Но сегодняшний день изменил все. И нужно жить на предельной скорости, иначе тебя отбросит обратно.

Вот ее сводная сестра Елена Демченко, популярная телеведущая... На какой скорости ей приходилось жить, чтобы всегда быть в тонусе и соответствовать профессии... Правда, сейчас она ждала ребенка и наслаждалась новым периодом в своей жизни.

Анна подумала, что нужно ехать домой. Рабочий день уже закончился. По дороге надо зайти в магазин и купить продукты. Что-то из полуфабрикатов. Готовить для себя – лень.

* * *

Италия. Окрестности Флоренции. Наши дни

¹ Подробнее об этом в романе Екатерины Барсовой «Роковое пророчество Распутина»

Даниэла посмотрела на экран мобильного. Звонил Джованни. Она взяла трубку и пропела своим тягучим голосом, сводившим мужчин с ума:

– Алло!

– Привет!

– Да... – Даниэла приложила трубку к уху, закладывая в шейкер молоко и мороженое. Ей хотелось с утра освежающего коктейля.

– Ты меня слышишь?

– Да, я слушаю.

– То самое письмо... – Возникла пауза. – Мне толком не удалось узнать, кому оно адресовано. Я только узнал, что Даниэла, о которой говорится в письме, ваша родственница. Она была журналисткой, в двадцатые годы прошлого века работала в Москве.

– А что с ней случилось?

– Не знаю. Кажется, она умерла в конце двадцатых или начале тридцатых годов. Во всяком случае, данных о ней с тех пор никаких нет.

– Спасибо, Джованни! Ты очень мне помог.

– Мы сегодня куда-нибудь идем? – с надеждой спросил он.

– Не знаю. Если что, я позвоню.

Даниэла дала отбой и, взяв коктейль, прошла в комнату. Легла на диван. Жара еще не наступила, и утро дарило благословенную прохладу. Солнце только набирало силу. Даниэла любила солнце, его тепло, проникающее под кожу, золотистую дымку зноя, окутывающую город. От этого казалось, что здания и храмы парят в воздухе.

Даниэла вновь перечитала письмо. Теперь вопросов стало еще больше... Она никогда не слышала ни о какой Даниэле, ни об этой истории с русским писателем. Это что – семейная тайна? Надо попробовать расспросить об этом бабушку. Как это письмо оказалось у бабушки? Но начать нужно аккуратно, издалека...

Недолго думая, Даниэла набрала номер теле-фона.

Трубку бабушка взяла не сразу. Даниэла долго слушала гудки и уже хотела дать отбой, когда услышала голос, напоминающий шелест сухих цветов:

– Слушаю...

– Бабушка, это я. Даниэла, – торопливо заговорила она. – Я приезжала к тебе пару дней назад, но ты так очаровательно спала, что я не решилась тебя будить...

– И совершенно напрасно, я была бы рада тебя увидеть. Но как же я ничего не слышала?.. – сокрушенно вздохнула Мари-Роз.

– Бабушка! Я хочу приехать к тебе сейчас.

– Жду, дорогая. В этот раз я точно спать не буду.

Мари-Роз встретила ее в саду. На столике уже стояли кофейник, блюдо с булочками и ваза со свежими персиками.

В саду пахло розами и душистыми травами.

Даниэла подошла к бабушке и звонко поцеловала ее в щеку.

– Садись, – указала старушка на стул напротив.

Даниэла села, налила себе кофе и вопросительно посмотрела на бабушку:

– Тебе кофе налить?

– Одну чашечку я уже выпила, дожидаясь тебя. Но не откажусь и от второй.

– А это не вредно для твоего сердца?

– Доктора говорят, что для своего возраста сердце работает неплохо. Насчет всего остального – я – фаталист. Как твои дела, Даниэла?

– Супер!

– Романы? Поклонники? Ты в кого-нибудь влюблена?

Даниэла скорчила шутливую гримаску.

– Увы! Мужчины такие скучные... Когда знакомишься, вроде все о'кей. А потом... Быстро надоедает. Вот такая я ветреная. Никак не остепенюсь.

– Какие твои годы! Еще все успеется. А что с учебой?

– Наслаждаюсь каникулами.

– И то хорошо. Как мама?

– Отлично. Они с папой скоро едут в Ниццу. А потом – в Монако. Грандиозные планы на лето. Мама, как всегда, будет держать папу подальше от рулетки, а он станет рваться в бой.

Мари-Роз улыбнулась:

– Твой папа слишком ветренный.

Теперь улыбнулась Даниэла. Ей трудно было представить своего отца ветреным. Он словно уже родился банкиром: строгим, всегда в костюме, излагающим путаные формулировки с четкой ясностью. Единственное место, где папа иногда отрывался, – это Монако.

– Мама беспокоится обо мне...

– И напрасно! Всему свое время! – Бабушка махнула рукой, отгоняя красивую бабочку, прилетевшую в сад. – Я лично не беспокоюсь.

Даниэла заерзала. Нужно было плавно переходить к цели прихода.

– Твой кофе остывает, – заметила бабушка.

Даниэла отпила глоток.

– Не слишком ли слабый?

– Все отлично! – Она поставила чашку из тонкого фарфора обратно на стол. – Бабушка, я хочу тебя спросить... – Даниэла запнулась. Признаться ли, что она прочитала письмо? Но другого выхода, похоже, нет.

– Когда ты спала, я подошла к тебе... На столике лежало письмо.

Ей показалось, что глаза бабушки стали строже. Или только показалось?

– Я прочитала его. Извини... – виновато сказала Даниэла. Она не чувствовала себя виноватой, но понимала, что вид раскаявшейся грешницы сейчас ей больше к лицу.

– Тебе никто не говорил, что читать чужие письма нехорошо?

– Говорили, – покаянно вздохнула она.

Бабушка молчала.

– Бабуль!

– Да?

– Не сердись, бабуль! – жалобно протянула Даниэла. – Расскажи мне, от кого это письмо? Кто такая Даниэла? Наша родственница? Почему письмо оказалось у тебя? И что за тайны?

Мари-Роз молчала.

– Ба...

– Давай забудем обо всем, – твердо сказала Мари-Роз.

– Ну, бабушка... Ты же знаешь, какая я любопытная. Что за секреты?

– Это не секреты, – твердо сказала Мари-Роз. – Это чужая тайна. И весьма опасная. Давай сделаем вид, что ничего не было. В противном случае... – Бабушка замолчала. – В противном случае, твоя жизнь будет в опасности.

* * *

Возвратившись домой, Даниэла легла на диван и принялась думать. Она была страшно упряма, и если что-то ей западало в голову – пиши пропало. Сейчас она столкнулась с тайной, которую не хотели открывать. Более того – мягкая любимая бабуля сказала железное

«нет» в ответ на ее просьбы. Значит ли это, что действительно существует нечто, чего следует бояться?

Даниэла перечитала письмо еще раз. Были еще письма... И где они?

Даниэла вскочила с дивана. Скорее всего бабушка хранит письма в доме. В недоступном месте. Или наоборот – на виду? Кроме домработницы Орнеллы, в доме никто не бывает. Но Орнелла предана бабушке уже много лет, и вряд ли Мари-Роз станет особо от нее таиться. Где же могут быть эти письма? Даниэла мысленно воскресила в памяти обстановку бабушкиного дома. Холл, спальня, гостиная...

Надо оказаться у бабушки дома, когда ее там не будет. Это бывает нечасто, но можно подкараулить момент.

Или попробовать поговорить с матерью и расспросить ее о семейных тайнах? Интересно, что скажет мать – строгая элегантная Валентина Орбини, практически постоянная героиня светской хроники?

* * *

Мать пела в соседней комнате, красивая ария реяла в воздухе, и Вера, вздохнув, подумала: какая трагедия для матери не выступить на сцене, а сидеть дома и петь только для себя, словно проверяя – не пропал ли голос.

Она стояла в дверях, боясь прервать пение, когда мать внезапно обернулась:

– Ты что-то хотела?

– Я хотела спросить, не осталось ли после бабушки каких-нибудь вещей? Где они сейчас? На даче?

– Да. После ее смерти я все свезла на дачу. А зачем тебе?

Признаваться в том, что ей хотелось бы найти какие-нибудь семейные реликвии, Вере не хотелось. Она помнила, как мать отнеслась к ее изысканиям насчет родословной, и поэтому решила все свои соображения пока держать при себе. Ей нужно съездить на дачу и порыться в бабушкиных вещах. Вдруг ей повезет и она найдет упоминание о прабабушке Дарье Шервандиной.

– Просто так...

– Просто? – Мать посмотрела на нее с недоумением, явно намереваясь вытянуть из дочери правду. Но тут раздался спасительный звонок телефона. Матери кто-то звонил по мобильному. Наверное, одна из подружек, и она царственным кивком головы отпустила Веру. Так императрицы дают знать своим приближенным, что они свободны.

Вера выскользнула за дверь.

Она собиралась поехать на дачу сегодня же. Уроков все равно никаких не было. Лето – пора каникул. С одной стороны, это было хорошо. С другой – плохо, потому что не было денег, а по причине их отсутствия наступал легкий мандраж. Да и лето выдалось паршивым: Москву заливали дожди, что тоже не прибавляло оптимизма. Лета все ждали как праздника: после серой тоскливой зимы и хмурой весны хотелось чего-то яркого и светлого. И лето обещало тепло и солнце. Жару, высокую траву, нежное марево и беспечную лень. Но ничего этого не было, только ливень. А вместо коротких открытых маечек, шорт и струящихся платьев приходилось кутаться в кофты, длинные юбки и брюки, надевать пиджаки и плащи.

Посмотрев на большие круглые часы в кухне, Вера подумала, что до Ярославского вокзала успеет добраться за полчаса, а потом еще час на электричке. И она на даче. От станции идти пешком минут двадцать. Можно взять такси, но это уже баловство. Доберется и на своих двоих. Не барыня.

Вера собралась и уже через час сидела в электричке у окна и смотрела на проплывающий за стеклами пейзаж.

Когда она подъезжала к своей станции, небо как по волшебству просветлело: серую хмарь прорезал ослепительно-синий лоскут, а потом в образовавшееся отверстие хлынуло солнце, преображая все вокруг золотистым сиянием.

Дорога через поле и пролесок заняла пятнадцать минут, и когда Вера, запыхавшись, подошла к калитке, на часах было без пятнадцати три.

Створка ворот косо висела на петлях – забор давно нуждался в ремонте, но денег не было. Дача постепенно разрушалась, все откладывалось на потом, а когда наступит это мифическое «потом», никто не знал. Может быть, от этого Вера так отчаянно вцепилась в легенду о родстве с древним итальянским родом, ощущая себя Золушкой, которая вот-вот попадет на бал.

Вера подумала, что в своей несчастливой жизни отчасти виновата сама. Нельзя ничего откладывать. Она вспомнила шансы, которые ей выпадали. Интересная работа в Хорватии. Надо было рискнуть, поехать в неизвестность, но в последний момент Вера дала задний ход – она испугалась и предпочла неведомым райским кушам пусть плохую, но стабильную жизнь здесь. А пять лет назад на горизонте появился один мужчина – приятный вдовец, старше ее на пятнадцать лет, вежливый, обходительный. И самое смешное – он нравился Вере. Петр предложил ей поехать вместе с ним в Ялту в бархатный сезон. Он нашел путевку на двоих на пять дней. Сентябрь стоял в том году благодатный, и Вера представляла, как же хорошо в Ялте: ласковое море, спокойное нежаркое тепло, вечерние прогулки по набережной...

Вера смотрела на Петра и понимала, что он ждет ответа. Петр был полурусский, полумолдаванин, смуглый, с карими глазами. Вера слышала, как отчаянно бьется ее сердце, но почему-то торопливо сказала: «Я не могу уехать, у меня – сын. Я не могу оставить его на мать». Это была откровенная ложь. Пашу она спокойно оставила бы матери на несчастные пять дней, и все вышло бы расчудесно. Дело было в Верином характере, в ее вечном ожидании чего-то. Она никак не могла постигнуть простую и страшную правду жизни – никакого «потом» не существует. Есть только сейчас – минута, вбирающая в себя все, остальное – туманно и зыбко. Невозможно на таком хлипком фундаменте строить свою жизнь. Вера и не строила, она просто плыла по течению.

Петр ушел, разочарованный. Через год она узнала, что он женился, и они с женой ждут двойню.

И вот теперь Вера вцепилась в этот свой третий жизненный шанс, не желая выпускать его из рук как трофей, как законную добычу...

С замком пришлось повозиться, от дождя он проржавел.

Закрыв за собой калитку, Вера остановилась и осмотрела участок.

Дождливая погода сделала свое дело – в рост буйно пошли сорняки. Борщевик, крапива, репейник, лопух. Трава колосилась чуть ли не с Веру. По всему участку цвели люпины, а благородные цветы тонули в море сорняков.

Дорожка до дома заросла, приходилось продираться через разросшийся шиповник, спирию и крапиву. Ноги горели от крапивных ожогов, и пока Вера подошла к крыльцу, ее ноги стали красными.

Поставив сумку на крыльцо, она открыла дверной замок и вошла в дом. Деревянный двухэтажный дом был построен двадцать пять лет назад на месте прежнего дома. Садовое товарищество было старым, землю здесь давали в двадцатые-тридцатые годы прошлого века заслуженным большевикам, театральным деятелям, ученым.

В свое время это был престижный поселок, сейчас старое поколение вымерло, землю многие наследники продали. И наряду с развалившимися домами в поселке высились дворцы и коттеджи, огороженные двухметровыми заборами.

Земельный участок достался от прабабушки Дарьи Андреевны. Ее муж в советские годы был инженером, работал в министерстве, проектировал даже правительственные здания. И поэтому ему дали участок в престижном по тем временам месте.

Вера о своей прабабушке Дарье почти ничего не знала. Но как завести с матерью разговор о ней, чтобы расспросить поподробней?

В доме пахло сыростью, и Вера раскрыла окна, чтобы свежий воздух с улицы поглотил запахи зимы.

Прежде чем приступить к осмотру бабушкиных вещей, Вера решила пойти на пруд, в котором она любила купаться еще в детстве.

И вдруг подумала, что ей обязательно захочется окунуться в воду. Она порылась в шкафу, нашла старенький купальник, который был ей маловат, но других вариантов все равно нет, и надела его. Пруд был старым, имел странную форму – вытянутый овал, больше похожий на эллипс. Небольшой, с живописными берегами, поросшими ивняком и березами. Пышные кусты склонялись к воде, по берегам цвела тина и росли камыши, но середина пруда оставалась чистой. Деревянные мостки уходили в воду. Около пруда никого не было, и Вера, ступив на мостки, почувствовала, как доска чуть осела под ней. Все старое, а починить некому. Нувориши построили себе дворцы, а что творится за пределами хоромов – их не интересует. Жители поселка, у которых были машины, ездили купаться в другие места.

Солнце, прорвавшееся через серые тучи, уходить не думало, напротив, оно расширяло себе пространство, отгоняя клочки серого неба к горизонту. Свет был не просто волшебным, он был божественным. Вера села сбоку на мостки и, сняв туфли, опустила ноги в воду, вспомнила, как в детстве любила болтать ногами в воде, поднимая веер брызг.

Память на минуту сделала кульбит, Вера зажмурилась, задохнулась от воспоминаний, которые были связаны с этим местом. Жарким летом она в детстве плюхалась с разбега в воду, и прохладная вода обжигала, было приятно плыть и, щурясь, смотреть на солнце. Рядом плескалась детвора, было шумно и весело. Весело... Дни были длинными, вечера – тоже. Вечером было парное молоко, в деревне неподалеку держали корову, и лето запоминалось парным молоком – теплым, чуть сладким, густым. У Веры образовывались белые усы от молока, и бабушка ласково называла ее «мышонок». Бабушка умерла, когда Вере исполнилось двенадцать лет, и на этом ее детство кончилось. Мать на дачу с ней не выезжала, занятая своим концертами и гастролями.

Вера подумала, что хорошо бы искупаться.

Она сбросила платье и нырнула в воду. Вода была обжигающе-холодной, и Вера принялась энергично плавать, чтобы согреться, вскоре ей это удалось. Она доплыла до противоположного берега и увидела утку, сидевшую в укромном месте – в тихой маленькой заводи. Утка спокойно смотрела на Веру, словно призывая не тревожить ее покой. И Вера, стараясь не шуметь и не поднимать брызг, поплыла обратно.

Вера помнила, сколько в ее детстве около воды вило стрекоз – синих, бирюзовых, они красиво порхали над прудом, как маленькие феи с радужными крылышками, и их тихое жужжанье сливалось с другими звуками лета.

Сегодня все было тихо.

Вера оделась и пошла домой.

В магазине на вокзале она купила себе немудреной еды, фастфуд, чтобы не заморачиваться с готовкой.

Поставив чайник, нашла в прошлогодних запасах кофе и сухие сливки. Наскоро поев и выпив кофе, Вера решила приступить к осмотру мансарды.

Дом был большой – шесть на шесть. Мать построила его на деньги, заработанные на гастролях. Второй этаж поделен на две комнаты. И одна из них представляет собой кладовку,

куда свалили вещи, принесенные из старого домика, стоявшего на этом участке с тридцатых годов, который снесли при строительстве нового.

Вера потянула дверь на себя. Открыла с трудом, петли проржавели, и дверь певуче запела.

Мать, вечно занятая собой и своими делами, при переезде свалила все кучей, не утруждая себя разборкой вещей, а бабушка уже болела и поэтому не могла все рассортировать. Бабушка была аккуратной, любила чистоту, порядок, основательность. Она, конечно, избаловала мать, которая ни в чем не знала запретов и росла принцессой.

Смешливой принцессой со жгучими черными кудрями. Бабушка надеялась, что мать станет артисткой, знаменитой певицей, у нее был красивейший бельканто, но после ухода Вериного отца мать пережила нервный срыв, и голос так и не восстановился. Вся дальнейшая жизнь матери – это борьба с собой, с обстоятельствами, с жизнью, с собственными воспоминаниями и бегство от них. В жизни каждой женщины есть страницы, которые хотелось бы забыть, но сделать это – значит отречься от себя самой. Немногие на это решаются...

Вера осмотрелась: с чего начинать? Здесь был сломанный туалетный столик на одной ножке, коробки в углу. Маленький секретер, прикроватная тумбочка, трюмо. Потемневшее зеркало... Вера посмотрела в зеркало и испугалась, показалось, что оттуда на нее глянула незнакомая женщина с более утонченным лицом и потемневшими волосами. Конечно, это был обман зрения, солнце, падавшее в полузавешанное окно, создало оптическую иллюзию присутствия в зеркале совсем другой женщины.

Вера провела рукой по лицу, словно отгоняя непрошеное виденье. Половицы под ногами скрипели.

Вера присела на венский стул и выдвинула один ящик трюмо. Обнаружив там исписанные блокноты, старые открытки, какие-то записки... На дне ящика Вера нашла письмо, написанное по-итальянски. Чернила выцвели, местами было трудно разобрать написанное. Она отложила письмо, решив вернуться к нему позже.

Еще Вера нашла большую папку, в ней были акварели и рисунки. Она с интересом рассматривала каждый. На рисунках изображалась Москва.

Это была Москва словно из старых кинофильмов. Рисунки были сделаны уверенной рукой, а внизу в правом углу стояла надпись – Д. Шевардина. Очевидно, художником была прабабушка Дарья Андреевна Шевардина. Среди рисунков встречались натюрморты, внезапно попало изображение пруда, Вера всмотрелась внимательней. Это был их дачный пруд, но вместе с тем как будто бы другой. Хотя, конечно, за десятилетия пруд мог измениться. Растения по берегам росли другие – более пышные. Деревья не похожи ни на березы, ни на ивы...

«Как все меняется», – подумала Вера.

Скорее всего прабабушка занималась в студии, потому что тематика рисунков была разнообразной. Виды Москвы сменили изображения Парижа и Лондона, но больше всего было видов Италии. Рим, Флоренция, синее море с террасой...

Вера задумалась и положила рисунки обратно в папку.

Нужно поподробнее расспросить мать о прабабушке.

«Наверное, поиск собственных корней связан с общей неустойчивостью мира, в котором пребывает современный человек, – размышляла Вера. – Ему хочется в буквальном смысле слова – укорениться. Обрести почву под ногами. Перестать быть перекасти-поле. Сегодня здесь, а завтра – там.

Когда аристократы вешают портреты предков в фамильных особняках и замках – они тем самым обеспечивают себе сильнейшую защиту. Ведь люди на портретах являются незримыми ангелами-хранителями, оберегающими род от коварства судьбы и опасностей.

Наверное, и чувства возникают совсем другие, когда ты знаешь собственную историю, знаешь имена прапрабабушек и прапрадедушек, знаешь, как они жили и чем занимались. И эта древняя кровь течет в тебе, вызывая чувства гордости и волнение».

Помнила ли ее ветреная мать собственную бабушку? Ведь Дарья Андреевна умерла, когда матери было девять лет.

Солнце клонилось к закату, подкрадывались сумерки. Вера задумалась – остаться ей здесь на ночь или нет. Немного поколебавшись, она решила все-таки заночевать на даче.

Глава 3

Опасный вояж в прошлое

Кто не любит свободы и истины, может быть могущественным человеком, но никогда не будет великим.

Вольтер

Московская область – Москва. Наши дни

Вечером, попив чай, Вера села на веранде и зажгла свет. Села в плетеное кресло и принялась читать письмо.

(Москва. Начало 30-х годов XX века, письмо – убрать)

«...Возвращение Максима Горького в СССР было обставлено торжественно. С таким триумфом, что сразу стало ясно – кто является писателем номер один и какое место Горький займет в советской иерархии. Он стал фактически памятником уже при жизни. Его встречали тысячи людей, с ликованием, с восторгом.

Бедный, бедный Макс, понял ли он, что ловушка уже захлопнулась и он из нее не выберется?..

Хотя я тоже это поняла далеко не сразу.

Ему дали особняк Рябушинского, штат прислуги, создали все возможности для работы и творчества.

Да, Горький ценил удобства, но я могу сказать точно, что в отличие от графа Толстого комфорт не был для него главным в жизни. Из него делали гедониста, но таковым он не являлся. Он заботился о своем окружении, ему было важно, чтобы все его близкие и домочадцы были сыты, обуты, одеты, довольны. Ради них он создавал такую пышную обстановку. Самому ему мало что было нужно. Он мог творить в любых условиях. Более того – мне кажется, что роскошь его подспудно тяготила. Но это только мое наблюдение.

Моей дочери было уже два года, когда Максим Горький вернулся в СССР. Вскоре я пришла к нему по делам, связанным с переводами с итальянского на русский, и поразилась перемене, которая произошла с ним. Я видела, что Горький устал, смертельно устал, огонь, горевший в нем всегда, даже в самые трудные моменты, – погас. Он выглядел просто стариком, который доживает свою жизнь.

Увидев меня, он обрадовался.

– Даша! Привет! – Он поднял вверх правую руку, приветствуя меня. Рука двигалась тяжело.

– Как жизнь? Как работа? Все нормально?

– Алексей Максимович... – Я сглотнула, набираясь смелости сказать. – Я вышла замуж.

– Это хорошо, это правильно... – В нем не было даже тени укоризны или ревности. Или время и вправду съедает все?

Я молчала.

– Я действительно рад, – продолжил он. – Ты заслуживаешь счастья. Ты сейчас работаешь в газете?

– Уже нет. Изредка подрабатываю. В основном занимаюсь переводами. Я не сказала главного... Мой муж – советский гражданин. И я теперь гражданка Советского Союза.

При этих словах его щека как-то странно дернулась.

– У меня есть дочь. Ей уже два года. И она такая смешная.

– Как зовут?

– Люся.

– Люся, – медленно повторил Горький. – Красивое имя. И, наверное, она будет красивой, как и ее мама.

В горле встал ком.

– Какой же ты была красивой, Даша, когда я впервые тебя увидел. – Он говорил размеренным глухим голосом, но я видела и чувствовала, что он взволнован воспоминаниями. Тем прошлым, которое я пробуждала в нем. – Ты помнишь этот солнечный край? Капри... Молодость... Тогда я думал, что мир можно переделать, устроить по типу царствия Божьего на земле и даже еще лучше. Когда на земле будет царствовать человек – хозяин труда, красивый, счастливый, свободный...

Мне показалось, что в его голосе слышались сдержанные рыдания, он не мог скрыть волнения...

– А что теперь? – Горький внезапно замолчал и напрягся.

Я невольно оглянулась. Он улыбнулся одними уголками губ. Мы без слов поняли друга друга. Горький подозревал, что за ним следят и его прослушивают. Он призывал и меня быть осторожной в своих высказываниях.

Я кивнула в знак того, что все прекрасно поняла. Подошла к нему ближе, наклонилась.

– Макс, ты всегда можешь на меня рассчитывать, – сказала я шепотом.

– Даша! Кажется, я в западне. – В глазах стояла тоска. – Я не хотел возвращаться. Но на меня все так давили. И Максим... настаивал, и я... Я боялся, – выдавил он с некоторым усилием.

И здесь мне стало страшно. Максим Горький никогда и ничего не боялся, более того, я знала его как одного из самых смелых людей в своей жизни. И это были не пустые слова или поза. Он и был таким. Ужасные испытания, выпавшие на его долю в детстве и юности, способствовали формированию твердого характера, научили стойкости. Он относился к жизни философски, и это помогало ему. А здесь он боялся... И я каким-то внутренним чутьем поняла, что он боялся не за себя, а за свою семью: за все тех, кто был в Москве, за тех, кто невольно стал заложником. И это были все люди, так или иначе связанные с ним...

Вера читала письмо, затаив дыхание. Только подумать: ее прабабушка была знакома с самим Максимом Горьким! Была его другом... Боже мой! Какая биография! Но кому было адресовано это письмо и почему оно не отправлено? Надо расспросить мать, только аккуратно! Но о письме Вера говорить не станет. Это ее тайна.

Ночь выдалась беспокойной. Вера забыла занавесить окно, и в комнату светила луна. Кровать была старой, Вера спала на ней еще в детстве, неудобной, с панцирной сеткой и металлическими набалдашниками. Вера проваливалась как в гамаке, вдобавок посреди ночи ее разбудил лунный свет. Неожиданно Вера услышала скрип половиц, будто кто-то осторожно идет.

«Да что это у меня, слуховые галлюцинации разыгрались, что ли?» – подумала она. Встала, зажгла свет и, надев халат, вышла на кухню, потом – на террасу. В доме никого не было, но Вере почудилось, что в кустах что-то шевелится.

«Наверное, кот какой-нибудь приبلудный зашел к нам на участок, – успокоила она себя. – Забежал сюда – вот и источник странных звуков».

Она еще раз проверила окна, заперла дверь на засов и, раздевшись, легла в кровать, вспоминая старое зеркало и свой странный образ в нем.

Мать, к счастью, была дома. Вера немедленно приступила к ней с расспросами:

– Мам! Ты сейчас свободна или как?

– Или как, – меланхолично откликнулась мать. Она сидела, склонившись над телефонной книжкой, и скользила пальцем по листам.

– Десять минут мне уделишь?

– Что-то случилось?

Халат с переливающимися павлинами так и резал глаза.

– Нет, все нормально, – бодро сказала Вера. Она знала, что мать сразу впадает в панику при неприятных известиях.

– Ну слава богу, – с шумом выдохнула та. – Как Паша? Звонил тебе?

– Мы общаемся по скайпу и переписываемся в вайбере.

– Все эти новомодные штучки, – брезгливо поморщилась мать. – Весь этот Вавилон.

– Никуда не денешься, мам. Технический прогресс не остановить.

– Если бы люди думали не только о технике, но и о душе, о прекрасном, об артистах, которые оказались выброшенными на обочину... – Лицо мамы исказила гримаса, и Вера испугалась, что она вот-вот заплачет.

– Мама! Не надо! – Она взяла ее руки в свои. И поразилась: какие у матери сухие и горячие ладони.

– Верусь, прости! – неожиданно кротко проговорила мать. – Так что ты хотела?

– Я была на даче.

– Как там?

– Ужас! Все заросло. Просто джунгли!

– Надо приводить участок в порядок. Нанимать кого-то. Но эти ужасные гастарбайтеры так сейчас дорого берут. Они сколачивают бригады и работают только над крупными объектами: коттеджами, пафосными домами олигархов. Возьмутся ли они за нашу траву?

– Скорее всего – нет, – вздохнула Вера, – придется все делать самим.

Мать молча смотрела на Веру, склонив голову.

В молодости она была потрясающе красива, но сейчас от былой красоты мало что осталось. Хотя она старается следить за собой. Все время сидит на диете, хотя любит поесть, но ради сцены готова на жертвы. Только изредка позволяет себе мороженое или пирожные с кремом. Или кусочек торта.

– Мам... – Вера долго не решалась начать разговор. – Мама, я хочу тебя спросить о прабабушке.

– Дарье Андреевне?

– Да.

– Но что я могу знать о ней? – с некоторым раздражением ответила мать. – Когда она умерла, мне было девять лет. Она была красивая, имела хорошее образование, была в Европе, превосходно знала четыре языка. Французский, английский, немецкий и итальянский. Ну и русский, разумеется... Родом она была из Литвы и говорила по-русски с акцентом. От которого так и не избавилась.

– Она была знакома с Максимом Горьким?

– С Горьким? Может быть. У нее была интересная биография, жаль, что, когда она умерла, я была слишком маленькой. А бабушка никогда ничего не рассказывала. Боялась, наверное. Время было такое, беспокойное. А теперь и спросить некого. – Мать вздохнула.

– У нас есть фотографии Дарьи Андреевны?

– Где-то был альбом. Тебе это срочно надо?

Вера решительно ответила:

– Да.

– Странно. Столько лет все лежало. А сейчас понадобилось. То какой-то фонд, где жулики сидят, то фотографии старые... Зачем они тебе нужны?

– Сейчас организации разные созданы, где призы разыгрываются среди тех, кто принесет фотографии своих бабушек и прабабушек, – принялась фантазировать Вера. – И разве неинтересно знать, кто был у тебя в роду?

Мать молчала.

– Прабабушка ведь хорошо рисовала? – полуутвердительно, полувопросительно проговорила Вера, протягивая матери рисунок – задорная, маленькая девочка стоит около березы в панамке и смеется.

Мать взяла рисунок и как замороженная принялась его рассматривать.

– Боже мой! – выдохнула она. – Это же я! Целая жизнь прошла...

Неожиданно она заплакала.

– Я помню, как маленькой еще мечтала о сцене... О том, что у меня будет большая семья – трое детей – и как мы будем обедать и ужинать все вместе. Мы будем смеяться, обсуждать новости, беседовать, рассказывать о том, что с нами случилось за день... И где все это? Какая же жестокая штука жизнь!

Руки у матери дрожали.

– Бабушка Даша, какая она была хорошая. Но все время грустная...

– Ты говоришь, что она была из Литвы?

– Да, оттуда.

«А как же древний итальянский род?» – чуть было не сказала Вера, но вовремя осеклась. Неужели все-таки произошла ошибка?

– Там какое-то безумное смешение кровей: грузинской, польской, литовской, русской, – продолжала мать.

– Может, ты покажешь мне ее фотографии?

– Тебе это нужно прямо сейчас?

– Ну, пожалуйста, мамочка! Ну хочешь я сбегая за пирожными.

– Мне же нельзя, – с видом оскорбленной добродетели выпрямилась мать. – Сценический образ, фигура...

– Ну мам, – подлизывалась Вера. – Иногда немного можно. Нужно баловать себя.

– Ладно, уговорила. Возьми эклеры, только с ванильным кремом, с шоколадным – не надо. И тирамису, которое продают в пекарне на углу. Оно у них замечательное – легкое, воздушное... И это все в последний раз. Больше ни-ни. А я пока сварю кофе. Только побыстрее. А то уже воображение разыгралось...

Сидя за столом с кофе и пирожными, Вера рассматривала старый фотоальбом.

– Вот Дарья Андреевна, смотри. Красавица. Твоя бабушка Люся все время говорила, что я – в нее.

В Дарье Андреевне Шевардиной грузинская кровь явно преобладала. Она была высокой, с тонкими чертами лица и копной черных вьющихся волос. Снимков было немного. Дарья Андреевна в Парке Горького, на первомайской демонстрации, с семьей – маленькой дочкой и мужем. И еще пара фотографий, где она на природе.

– Вот и все! Царствие ей небесное. Участок нам от нее достался. И квартира двухкомнатная, которую потом на эту трехкомнатную обменяли.

– Мам, скажи, пожалуйста, а драгоценностей от Дарьи Андреевны никаких не осталось?

Минуту-другую мать колебалась, а потом со вздохом проговорила:

– Остались.

– А почему ты мне никогда раньше об этом не говорила? – изумилась Вера.

– Ты – женщина легкомысленная, тип психики еще неустойчивый. Тебя любой хмырь окрутить может, – сердито поджала губы мать.

Вера не знала: то ли огорчаться, то ли смеяться над такой «характеристикой».

– Мам. Ну вообще-то я взрослая... Не забывай, что сама уже мама. Пашка растет.

– Да. Растет... В том-то и проблемы! А что мы ему можем дать?

Это была большая тема. Вера стиснула руки.

– Драгоценностей немного, – вновь вернулась к теме мать. – Брошка, ты видела ее, я в ней часто выступала. Такой цветочек, а вокруг камешки.

– Да, красивые стразики.

– Стразики! – усмехнулась мать. – Бриллианты чистой воды, только я тебе не говорила об этом.

– Да-да, я легкомысленная и неустоявшаяся, я об этом уже слышала.

– Прости. Но это всего лишь констатация факта. Как ты могла выйти за такого, как Валерик?

– Мама!

– Молчу! Хорошо, я тебе все покажу. Кто знает, может быть, завтра меня не станет, ты должна знать, где наши фамильные драгоценности лежат. Вдруг понадобятся на черный день.

– Мама! Живи долго! – испугалась Вера. – Тебя еще позовут на сцену, ты будешь выступать, радовать нас с Пашей... Все будет хорошо, вот увидишь!

– Как же! Позовут и приплатят! Сама знаешь, как у нас все делается. На сцене царит посредственная эстрада. Как сейчас называют этих девушек? «Поющие трусы», кажется? Вот-вот. Молодое мясо, которое раскрывает рот под фонограмму. А живой красивый голос никому не нужен.

– Мамочка!

– Ладно. Расчувствовалась старуха. Сейчас.

Мама величественно выплыла из комнаты, а через пару минут вернулась со шкатулкой.

– Я ее сто раз видела, – разочарованно проговорила Вера. – Там же обычные безделушки...

– Не торопись. Она с секретом.

Шкатулка была старой, присмотревшись, Вера поняла, что шкатулка и сама антиквариат и произведение искусства.

– Дарье Андреевне принадлежала. Она же из благородного рода происходила. Наверное, кое-что сохранилось во время революции.

– Вот потому я и хотела узнать в генеалогическом центре, кто наши предки, – начала Вера, но мать отмахнулась.

– Поэтому я тебе не могу ничего до конца доверить. Ты слишком поддаешься влиянию. Все эти центры – шарлатаны и жулики. Ради денег они твое происхождение от Мамаю выведут. Или вообще от Тутанхамона.

Мать нажала на какую-то пружинку сбоку и открылся маленький ящичек.

– Смотри. – Она принялась выкладывать драгоценности на стол. – Брошка, перстень, браслет, кольцо и серьги.

Вера смотрела на драгоценности, брала их в руки и ощущала живое тепло.

– Вот и все, что у нас есть, – вздохнула мать. – Теперь тебе черный день не страшен. Хотя моли бога, чтобы его в нашей жизни не было.

* * *

Получив уведомление о повышении арендной платы за офис, Анна присвистнула. Плата повышалась на десять процентов.

– Что такое? – недовольно откликнулся из соседней комнаты Вася. – И так в последнее время у нас с деньгами негусто, а ты тут свистишь...

– Подходит срок уплаты за аренду. Чем расплачиваться станем? Тем более что цену подняли!

Возникла пауза.

– Не свистеть, говоришь! – с каким-то отчаянным весельем воскликнула Анна. – В этом все дело, правда? – И она с силой прихлопнула ладонью стопку бумаг, отчего листы разлетелись, плавно опускаясь на пол. – В самом деле? По чьей же вине у нас тут ветер в финансах свищет? Не подскажите, многоуважаемый шеф? А? Может быть, вы, как генеральный директор нашего маленького, но гордого предприятия, денно и нощно рыщете в поисках клиентов? Может быть, вы даете креативную рекламу или обзваниваете знакомых и просите их порекомендовать нас? Или вы просто развалились на стуле и боитесь оторвать от него свою драгоценную задницу? Может быть, вас к тому же зависть заедает от того, что ваш школьный друг живет лучше, чем вы?

Выпалив эту тираду, Анна замолчала. В ответ – была тишина. Но эта тишина не предвещала ничего хорошего. Как затишье перед бурей. И Анна не ошиблась. Когда Вася вырос на пороге, вид его был ужасен.

– Рыжикова! Ты просто офонарела! Как ты разговариваешь с начальником? Кто тебе позволил нарушать субординацию? Что это за переход на личности! Я делаю, что могу. А ты, между прочим, тоже не блещешь ни креативностью, ни расторопностью. И я... – Вася надул щеки, покраснев от гнева. – Я никому не завидую! Нисколечки!

Анна поняла, что попала в больное место. Роман Шухаев – Васин одноклассник и школьный закадычный друг недавно прислал письмо из Америки после многолетнего молчания. И сразу выдал подробный отчет о своей жизни. Судя по Васиным рассказам, почти шестилетнее мытарство Романа подошло к концу. И к какому концу! Прямо-таки образец состоявшейся «американской мечты»: престижная работа, свой прекрасный дом с лужайкой и бассейном, красавица жена – ослепительная блондинка, машина «Ягуар», счет в банке... Жена к тому же была беременной. Вася со вздохом протянул Анне фото, где и был запечатлен американец Роман на фоне дома, бассейна и в обнимку с округлившейся женой.

По Васиному виду можно было понять, что успех друга уколол его самолюбие.

– Нет, ну ты представляешь? – жаловался он Анне. – Вместе жили, росли, и тут... Хорошо быть айгишником в наше время, – без всякого перехода говорил он. – С таким профессиональным багажом не пропадешь. А если ты гуманитарий... Все так трудно, и с работой, и с признанием, и с деньгами. Вот, если бы я уехал, черта с два нашел бы там работу. Думаю, что мыкался бы без всякого просвета. Да и здесь не жирую особо. Несмотря на то что вкальваю как лошадь. – Судя по всему, с тех пор Вася и стал относиться к работе с легкой прохладцей. Видимо, решил, что стараться особо и не стоит, если не светит ни собственный дом с бассейном, ни «Ягуар», ни красавица-блондинка.

Анна молчала, она понимала, что перегнула палку.

С минуту-другую они просто смотрели друг на друга, потом Вася вышел, демонстративно хлопнув дверью. Ушел из офиса и не сказал куда и насколько. Если кто-то спросит его? Анна не знала, что отвечать. Конечно, она и сама может принять клиентов, а если придут именно к Васе – что тогда делать?

И чего ее дернуло за язык высказать все, что она думает по поводу их неудач? Было трудно промолчать, сдержаться? Когда же она научится владеть собой! Вася все-таки не близкий родственник или хороший приятель, а начальник. Да, они подружились за это время, и стояли плечом к плечу, и выручали друг друга, и советовались по самым разным вопросам: от деловых до личных. Но Вася прав: субординацию соблюдать нужно, по крайней мере, не забывая о ней. А она...

Теперь Анна корила себя на чем свет стоит.

Для успокоения она заварила кофе, пытаясь сосредоточиться на тех делах, которые у нее были. По правде сказать, в разработке было всего два дела. И оба мелочовка. Она накинулась на Васю, а действительно, что сделала она сама? Почему не приложила все усилия, чтобы их фирма процветала? Вася прав, глупо сваливать вину на него одного. Ее доля вины тоже есть. Поначалу были заказы, клиенты, а потом – все сошло на нет. Чего доброго, им придется закрывать лавочку и возвращаться к сугубо научной деятельности. Как это и было раньше.

Две чашки кофе взбодриться не помогли, напротив, разболелась голова. Может быть, пораньше пойти домой, раз здесь от нее все равно толку нет?

До закрытия офиса оставалось полчаса. Наверное, клиентов не будет. Анна решила проверить почту и уходить домой.

Маячок сигнализировал, что ей пришло одно новое письмо. Анна щелкнула курсором и раскрыла почту. Это было письмо из генеалогического центра «Фамильное древо». Ей ответили на запрос по поводу родословной Шевардиных. В письме сообщалось, что при составлении генеалогического древа вышла ошибка и никакой связи это семейство с итальянским родом не имеет.

Анна наморщила лоб. Ей вспомнилась молодая женщина, которая поручила им перепроверить справку, выданную этим центром, вспомнилась, как она была растеряна. Теперь Анна вынуждена будет огорчить эту женщину, сообщить, что ее сомнения оправдались. Что произошла ошибка. И это было странно, потому что Анна знала этот центр «Фамильное древо», знала некоторых его сотрудников, знала, что работают они добросовестно, проколов не допускают. И вдруг!

Что-то здесь не сходилось...

Хотя это не ее, Анны Рыжиковой, дело. Ей нужно просто отправить письмо клиентке и отчитаться о проделанной работе. И все! Нужно приучаться к расторопности, как бросил ей упрек начальник. Анна быстро составила письмо и отправила его Вере Шевардиной, в самых изысканных выражениях сообщая, что произошла ошибка со стороны Центра, а они свою работу сделали.

После этого она проверила офис и, закрыв входную дверь, отправилась домой.

* * *

Вера смотрела на письмо из историко-консультативного центра «Клио» и не верила своим глазам. Значит, она совершенно правильно с самого начала подозревала, что произошла какая-то ошибка. У их рода не может быть никакой связи с древним итальянским родом Орбини. Чему она и получила подтверждение.

Захотелось плакать. Вера почему-то уже свыклась с мыслью, что у нее есть родственники в Италии. Мечты были о Паше, о его будущем. Ну не глупо ли?!

Она заперлась в своей комнате и расплакалась.

На что она надеялась!

Вера распахнула окно. Одурающе пахло липой.

Как проходит ее жизнь? Любой бы удавился или сошел с ума. Мать, которая вечно грызет ее поедом и выставляет полным ничтожеством. У нее нет ни работы, ни личной жизни, ни денег, ни собственного жилья. Сплошные «нет». Единственное, что у нее есть – сын Паша, ее солнышко! Но сын растет, а что она может ему дать?

Надо посоветоваться со Светланой. У той, несмотря на ее увлеченность то одним, то другим, голова работает неплохо. Кроме того, Светлана – друг и разложит ситуацию, не руководствуясь холодным рассудком, а так, как нужно Вере. А именно такого дружелюбного взгляда со стороны ей сейчас и не хватало. Вера позвонила подруге и, убедившись, что та дома, поехала к ней.

Выслушав ее, Светлана протянула:

– Забудь обо всем. Будто бы ничего и не было.

– Не могу. Понимаешь, не могу!

– Нет, не понимаю. Или ты оставляешь все это дело и живешь как жила. Или...

– Что «или»? – тихо спросила Вера, убирая прядь волос со лба.

– Или едешь в Италию и сама все провернешь на месте.

А если и правда – поехать! Существуют мысли, подобные молниям. Они краткими яркими разрядами освещают жизнь, и жизнь в их свете представляется темной, тусклой и унылой.

– Легко сказать!

– А что тебя останавливает? В конце концов, мы сами строим плотину на пути судьбы, не давая ей свободно течь.

– Начнем с элементарного, – с обидой сказала Вера. Светке все всегда казалось легким и простым. – Меня останавливает хотя бы отсутствие денег. Ты же знаешь, с каким трудом я наскребла Пашке на лагерь. Можно сказать, вывернулась наизнанку, чтобы отправить ребенка на летний отдых.

– Чепуха! Можно взять кредит. Ты просто трусишь!

– Трушу! – выдохнула Вера. И ей словно стало легче. – Это что – порок?

– Это главный тормоз на пути к счастью. Знаешь, как гласит знаменитая поговорка: «Кто ни рискует, тот не пьет шампанское».

– А если я не хочу пить шампанское? Если меня устраивает и простая вода?

– Альтернативы нет. Шампанское в данном случае – свободная счастливая яркая жизнь. Вода – серость и прозябание.

– Как у тебя все просто, – вздохнула Вера.

– Сознание должно быть свободным и раскрепощенным... – Вера расплакалась.

– Ты чего, Веруш? – со снисходительной нежностью спросила подруга и взяла ее за руку.

– Чего? – всхлипнула Вера. – Мать меня поедом ест за никчемную жизнь, а мне и самой горько, что я одна, личной жизни никакой нет. И Пашке нужна твердая мужская рука.

– Ласковый ремешок ему нужен, во всяком случае – не повредит.

– Свет! – обреченно выдохнула Вера. – Я чувствую, как моя жизнь утекает сквозь пальцы...

– Брось! Жизнь не утечет, если мы сами не позволим этого. А тебе я даю дружеский совет: съездить в Италию, найти этих предполагаемых родственников и все на месте выяснить. Ты когда, кстати, в последний раз отдыхала?

– Три... Нет четыре года назад.

– А по-моему, лет пять назад!. Ты тогда с трудом оторвала свою задницу от дивана и купила путевку в Турцию. Ты мне тогда еще присылала фото. Они до сих пор у меня хранятся в папке под названием: «Отдых Верунчика». Скучная такая папочка. Недостойная для самостоятельной женщины двадцать первого века. – Света комично закатила глаза и выдохнула: – Короче, бери кредит и не майся чепухой. Поезжай в Италию... Заодно отдохнешь. Я права?

– Отчасти.

– А какие возражения? Аргументируй свою точку зрения!

– Да ну тебя!

– И это все, что ты можешь сказать? Тебе просто крыть нечем!

– Зато ты стала слишком прогрессивная...

– По крайней мере – учусь. Давай попробуем составить план действий.

– Что ты имеешь в виду?

– А как ты себе представляешь варианты поведения? – иронично хмыкнула Светлана.

В этот раз она была одета в ярко-оранжевый халат, на голове красовался такого же цвета тюр-

бан. – Приедешь в Италию... «Здрассте, я ваша родственница? Подайте бедной москвичанке на жизнь». Да они тебя погонят взащей!

– Значит, советуешь все оставить как есть?

– Ни в коем случае! Ехать надо. Но нужно быть ко всему готовой и, если что, – дать отлуп этим родственникам.

– Как это?

– Сначала проявить полную расположенность, а там уж действовать по обстановке. Как получится.

– Как получится... – эхом откликнулась Вера.

– Надо ехать! – подытожила Светлана.

Да Вера и сама склонялась к этой мысли.

– Если что, я денег подкину. Немного, сама понимаешь, на какой я мели, но ради благого дела подруги – я готова выгрести последнее.

– Последнее не надо.

– А у меня, может, корыстные мотивы. Я планирую открыть центр йоги в Италии, и мне нужно, чтобы ты обрела там родственников.

– Думаешь, в Италии такого добра нет?

– Во всем нужна изюминка. А у меня много креативных свежих идей. Плюс, в отличие от нас, в Европе свободный рынок и здоровая конкуренция.

– Это тебе так кажется.

– Ничуть! А вообще-то посмотрим. Это, как говорится, жизнь рассудит...

* * *

Дома Анна разогрела в микроволновке пиццу, приготовила молочный коктейль и легла с едой на диван. Она планировала посмотреть английский сериал, но сосредоточиться на сюжете не смогла и выключила телевизор. Из головы не шло дело Веры Шевариной. Не сходились концы с концами... Скорее всего это в ней говорила интуиция, которая подводила редко. Было чувство: она что-то упустила...

Раздался звонок. Данила.

Анна подняла трубку.

– Привет!

– Чем занимаешься? – поинтересовался он.

– Пришла с работы.

– Значит, расслабляешься?

– Ага! Кайфую.

– Жаль, что меня нет рядом.

– Жаль, – вздохнула Анна. – А когда ты приедешь? – Задала вопрос и осеклась. Это была почти запретная тема. Дело в том, что Данила уже два раза откладывал приезд, и она зареклась задавать ему эти вопросы. Получалось, что она навязывается...

В трубке наступило молчание.

«Так и есть, – рассердилась Анна на саму себя. – Зачем вылезла с идиотским вопросом. Могла бы и промолчать!»

– Пока не знаю, – наконец услышала она. – Очень хочу вырваться, но пока никак не получается.

«Значит, не очень-то ты и хочешь, – подумала Анна. – Хотел бы – нашел возможность».

– Ты не сердись?

– Ничуть! – громко сказала она. – На что сердиться? Я все понимаю: дела...

– Сложное задание.

– А как же!
– Я чувствую, что ты мне не веришь.
– Давай оставим эту тему.
Можно оставить тему, но от себя не убежишь.
Вслух она этого, конечно, не сказала...

Они еще немного поболтали и распрощались, но холодок остался.

На душе было муторно. Ситуация складывалась дурацкая. Вроде бы у нее есть любимый человек, и в то же время его – нет. Одиночество – штука коварная. И больше всего коварная тем, что оно засасывает незаметно, исподволь. И тебе уже ничего не надо и ничего не хочется. И ты всем доволен, и вечера в одиночестве не кажутся такими длинными и бесцветными, как раньше. Ко всему ведь привыкаешь... И это опасно!

Анна понимала, что даже эти мысли разъедают ее как ржавчина. Их нельзя допускать, но от них никуда не деться.

Хорошо бы поговорить с Данилой по-серьезному, но ведь он уходит от темы, ускользает... Разговоры по скайпу сначала радовали, а теперь – раздражают. Что толку, что видишь предмет своей любви, дотронуться – нельзя, обнять – нельзя. Анна понимала, что она скучает по его шуткам, медвежьим объятьям, когда он сгребал ее в охапку, и она таяла в этих надежных и крепких руках. Рядом с ним весь мир приходил в изначальное равновесие... Пискнула эсэмэс, прервав ее мысли.

«Я все равно тебя люблю» – высветилось на экране мобильного.

– И на том спасибо, – сказала Анна вслух. – Сделал одолжение!

* * *

Флоренция. Наши дни

Семейные тайны – дело увлекательное. Даниэла стояла посередине комнаты, нахмурившись. Это была ее комната, из которой она сбежала, сделав прыжок в свободу. Но теперь она вернулась сюда. Правда, ненадолго. Ей нужно расспросить мать о том, о чем умолчала бабушка.

Но Даниэла не знала, как подступиться к матери. Ее безукоризненная, элегантная мать не слишком баловала Даниэлу. Может быть, это было не в ее характере, а может быть, она считала, что воспитание не должно быть излишне мягким. Но раз Даниэла здесь, то должна попытаться узнать бабушкины секреты.

– Я сделаю это! – решительно сказала она сама себе.

В столовой никого не было. Лишь предки взирали со старинных портретов. Даниэла подумала, что мать скорее всего в небольшом садике за домом. И не ошиблась.

Мать Даниэлы Валентина сидела в кресле и кидала мячик Джекки, золотистому ретриверу.

– Привет! – сказала Даниэла как можно беззаботней и плюхнулась в кресло рядом.

– Добрый день. – Мать подняла на нее глаза, искусно подведенные черными стрелками, и прищурилась.

– Хорошо выглядишь! И это при твоём образе жизни.

– Ты тоже прекрасно выглядишь. – Даниэла встала и, наклонившись, поцеловала мать.

– Ужасно по вам соскучилась.

– Если бы это было так, ты бы не удрала от нас.

Даниэла скорчила шутливую гримаску.

– Ну надо же девочке когда-то повзрослеть и начинать жить отдельно. Как Тони? – спросила она, переводя тему.

– Отлично! Поехал куда-то с друзьями. Я за него ужасно волнуюсь.

– И напрасно. Тони уже взрослый. Все твои дети выросли, мама, а ты не хочешь это понять.

– Ты пришла, чтобы сказать мне это? – холодно спросила мать. Вот так всегда. Мать умела одним щелчком поставить любого человека на место, включая собственных детей и мужа.

– Нет. Я... Я просто пришла навестить вас.

– Отец в городе, Тони уехал. Так что я одна. С Джекки.

Услышав свое имя, ретривер подбежал к хозяйке и улегся около ног, высунув язык.

– Ма, у меня есть один вопрос... – Даниэла заерзала. – Слушай, у нашей бабушки в молодости были русские друзья?

Даниэле показалось, что при этих словах лицо матери помрачнело. Или это игра света и тени?

– С чего ты это взяла?

– Понимаешь, – Даниэла откинула прядь волос, упавшую на лоб, – я недавно пришла к бабушке, она спала, а рядом лежало письмо. И...

– Ты не удержалась и прочитала его? Похвальное поведение, – язвительно заметила мать.

– Ну мамочка! Я нечаянно! Я ничего не могла поделать со своим любопытством!

– Это не оправдание.

– Да, я поступила плохо, но что сделано, то сделано! Так вот, в этом письме упоминалась какая-то Даниэла и русский писатель Максим Горький. Я потом полезла в энциклопедию. Он, оказывается, в России жутко популярный. Ну почти как у нас Д'Аннунцио.

Мать слушала внимательно.

– Я потом спросила бабушку о письме, но она наотрез отказалась обсуждать со мной это. И еще сказала, что семейные тайны – опасны. И я с тех пор изнываю. – Последнее слово Даниэла произнесла, умоляюще глядя на мать.

– Бабушка права!

– Но что там такое, мам? Это же старина глубокая. Прошлый век. И я уже не маленькая...

– Но и не взрослая.

– Мам! Твой шуточный тон здесь не уместен. Я же часть семьи. Я имею право знать. Что за секреты?

– Это все очень запутано... – тихо проговорила мать.

– И это повод держать меня в неведении?

– Мы пытаемся уберечь тебя...

– От чего? – быстро спросила Даниэла.

– От опасности.

– Боже мой! – От нетерпения девушка стукнула ладонью по столику. – Мама!

– Не сейчас, Даниэла. И больше не поднимай эту тему! – отрезала мать.

– Ну хорошо, – сердито сощурилась Даниэла. – Тогда я оставляю за собой полную свободу действий!

– Что ты еще надумала? – встрепенулась мать.

– Позже узнаете.

– Надеюсь, ничего, что шло бы вразрез с фамильной честью и уголовным правом?

– Все будет вполне пристойно. Но раз вы образовали заговор против меня, то... Вы скоро еще обо мне услышите! – с легким театральным пафосом произнесла Даниэла.

– Какая ты еще глупенькая, – улыбнулась мать. – Ну истинный ребенок.

* * *

Москва. Наши дни

Легко сказать – уехать! В первую очередь нужно было как-то подготовить к этому маменьку и Пашку. Если с сыном проще – с ним можно договориться, объяснить, то с матерью все намного сложнее. Начнутся расспросы: что да как, а делиться своими планами и соображениями – категорически не хотелось. Но и откладывать поездку тоже было нельзя. Лучше решить все сразу.

Светлана перевела Вере на банковскую карту четыреста долларов. Еще пятьсот Вера нашла в своей записке. Осталось только купить билеты – и вперед! Но сначала требовалось поговорить с матерью. Или сначала – купить?

После недолгого размышления Вера решила купить авиабилеты и тем самым отрезать себе все пути к отступлению. Чтобы больше не колебаться и не раздумывать...

Забронировав билеты, Вера постучалась к матери в комнату. Разговор получился на удивление коротким. И все разрешилось довольно просто. Осенью в одном из подмосковных городов готовилась большая концертная программа, и мать попросили выступить с двумя сольными номерами. Она сразу воспряла духом, принялась обзванивать «старую гвардию», думать о номерах... Словом, ей было не до дочери.

Обстоятельства складывались в пользу Веры. И это не могло не радовать! Вера сбивчиво объяснила матери, что ее пригласила отдохнуть в Италию одна из ее учениц, у которой там живет знакомая. И она решила воспользоваться представившейся возможностью – дешево отдохнуть в Италии. Почти задаром. Она не будет платить ни за жилье, ни за питание. Итого – Вера тратит только на билеты, тем самым проявляя чудеса экономии. И поездка у нее получается – ну очень, очень дешевой. Даже ниже экономкласса.

Мать слушала ее вполуха, рассеянно кивая. Мысленно она уже была на сцене и выводила рулады.

Ну что ж! Это к лучшему... Теперь Вере ничто и никто не мешал.

Жребий брошен, мосты сожжены, рубикон перейден.

Шенген Вера сделала год назад, когда хотела улететь в Чехию, но не получилось... А теперь пришло время воспользоваться им!

Завтра она улетает во Флоренцию. Именно там обитает род Орбини, если верить интернету.

Глава 4

Город вечной весны

*Флоренция, ты ирис нежный;
По ком томился я один
Любовью длинной, безнадежной,
Весь день в пыли твоих Кашии?*

*О, сладко вспомнить безнадежность:
Мечтать и жить в твоей глуши;
Уйти в твой древний зной и в нежность
Своей стареющей души...*

Александр Блок

Флоренция. Наши дни

Даниэла решила, что ей неплохо бы обзавестись помощником в этом семейном расследовании, как она окрестила историю с письмом про себя. Как на грех, все знакомые и друзья разъехались: кто куда. Это она задержалась в городе, а теперь даже собиралась отменить запланированную поездку на Ибицу. Она не сможет уехать и беззаботно отдыхать, когда у нее под носом образовалась семейная тайна. Нет, она, конечно, может уехать, но отдых в этом случае превратится в утонченную пытку, она все время будет думать: что и как... Нет, поездка однозначно отменяется. Но что она сможет сделать одна? Даниэла была натурой шумной, неугомонной, не любила одиночество, ей требовались собеседники, на худой конец – слушатели. А тут сиди и думай над всем этим в одиночку. Конечно, она все может сделать и горы свернуть, и моря осушить, но все-таки перспектива быть с какой-то живой душой рядом – вдохновляет больше.

Обзвон приятелей только подтвердил ее худшие опасения. Все уехали, оставив ее торчать в городе...

Неожиданно Даниэла вспомнила об одном человеке, которого однажды порекомендовала ей подруга. Пару месяцев назад ей нужно было проконсультироваться по вопросу, связанному с картиной Тициана. Но тогда до знакомства дело не дошло, вопрос решил сам собой, а телефон человека – остался. Парень был искусствоведом. И звали его не то Витторио, не то Виктором. И где ж этот телефон?

Номер Витторио Даниэла нашла не сразу, а когда позвонила, трубку долго не брали, но наконец прозвучал приятный мужской голос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.